

Мисорія итал. лифрарура XVIII в.

половина знаменитаго произведенія пишется годовы его жизни, а къ концу дурьдало десятилетія, 1825-1829, оны закончили, въ крайне безумной редакциѣ, своего Вилгелма Кейсера подѣ полнымъ заглавиемъ „Die Kunst des Wanders ohne ein Entschieden“ („Тогѣ суррансвѣи В. кейсера или самоотрекающіеся“). За вѣдѣ раѣ газетѣ романа „Вилгелмъ кейсера“ - Тогѣ суррансвѣи - соедѣнѣны тѣ совершенно отдѣльныя, ничѣмъ не свѣзанныя рассказы, сценѣ, суррансвѣи замѣтѣны и выраженія. Кромѣ знакомыя уже гугаделѣ мѣстѣ: самого герѣ, его сына, жены, фрѣилѣ, Арно, дурѣ вѣдѣ, гогѣ совершенно новыя мѣстѣ: Фрѣилѣ, Макариѣ, Мон. Жанѣ, Локарѣ со своимъ дневникомъ и ир. Совершенно отдѣльныя эпизодѣ, какѣ „Тогѣ суррансвѣи въ Бгитерѣ“, „Св. То. суррансвѣи II“, „Безумная миллигрѣилѣ“, „Новая мелудѣилѣ“ и др. — нѣкоторые вѣдѣ рассказы подвижны и отдѣльны, какѣ: „Das Wort von fünfzig Jahren“ (Селѣтѣ въ корѣ) 50 лѣтъ), „In der Welt der Fünfzig Jahre“, „In der Welt der Fünfzig Jahre“ и др. — ничѣмъ не свѣзаны съ главнѣю мѣстѣ романа, наполненъ, наго мѣстѣ, идеями авѣора о гогѣдѣ, обѣсѣ, о сѣмѣ, о воспитаніи и множѣ другѣ предметѣ.

Старѣе зайное обѣсѣ, въ которѣ были примѣны Вилгелмъ, сѣвилѣ себя новѣю цѣлѣ: виселѣ въ Америку. Каждый оѣраетѣ на сѣмѣ обѣсѣ дѣлѣ, сѣвилѣ разѣ, вѣвилѣ свои способности жѣкѣ, гѣмѣ наилучшѣмъ образомѣ сѣмѣ, и обѣсѣ разѣ сѣмѣ, гѣмѣ мѣстѣ. Вилгелмъ разѣ сѣмѣ, вѣвилѣ, совершаетѣ поѣздѣ въ Италиѣ, наводитѣ свое призваніѣ въ лифрѣ и въ замѣтѣ ирѣилѣ

спором, влюбляется в него. Какъ въ о ней Тѣе охранили
поэтическую въ „Elegien von Marienbad oder Trilogie der
Leidenschaft“ (Маріенбадскія Элегіи или трилогія стра-
сти, 1823 и 1824). Именно въ этой такъ-называемой
„Трилогіи страсти“ и въ особенности въ средней ея части:
„Элегіи Тѣе воспоминаю радости и горе уютомъ и уютомъ
любви. Это — самое законченное изъ его любовныхъ
стихотвореній, какія еще, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не,
много жемчужное, жемчужное, какъ иногда „Диванъ“, но для
понимающаго, знающаго, чувствующаго — неисчерпаемое
сокровище, вызывающее слезы и успокоивающее страданія.
И здесь любовь соединена съ высочайшими рели-
гиозными и нравственными мыслями; характеристика
возлюбленной, сцены изъ любовной жизни, востанов-
ки и вынужденное двисненіе, то воспоминающее, то дѣйствующее,
поискъ, созерцаніе природы и сердечная оцущенія, лич-
ное и житейское, все это удивительно перемешано, и
характерно въ немъ стихотвореніе приведено въ болѣе
высокую связь съ двумя другими, только усиливается
жизненный элементъ и гармонически разрабатывается
страданій въ точной разлукѣ. Тѣе называетъ все въконецъ
какъ разъ, трилогіей страсти.

Сраженіи болѣе, только любовь, прилично размышленіе.
И дѣйствительно, изъ руки Тѣе въ позднѣйшіе годы вы-
шли многочисленные афоризмы, жемчужины были бо-
газъ еще „Диванъ“ — въ видѣ притчи, эпиграммъ,
изреченій: Это — послѣдніе размышленія его мыслей,
скрывающіе обилие мудрости, зорко такъ же завер-
шающіе его поэзію, какъ, размышленія и максимы
завершающіе его прозу.

Целый том лучшего издания его сочинений, едлан-
ного Карла-Вильгельма Тедерке¹⁾, задержан его россійскими, финскими,
греческими, французскими, английскими, италіанскими
и восточными театрами. Не менше замечательны Теге
как критик по части искусства. Въ этомъ огромномъ
интересномъ его труде „О Лаоконтъ“ и „О правдѣ и правдо-
подобіи въ произведеніяхъ искусства“. „О Картинахъ
Фрильосагра“, переводъ и оценка сочиненій Гюссона де,
онкардо да-Винчи и его „Тайной вечерни“. Ученое зрѣніе
его замечательно — какъ ученіе ^{романа} это указано — не забудется въ
науку, какъ и въ исторіи литературы. Особенно замечательно
замечательно его сочиненіе „Въ ученіи о цвѣтахъ“ (Zeit für
Vulgarität). Теге занимался зрѣлымъ предметомъ до конца
своей жизни, разбирая въ 1826 г. задачу, предложенную
Петербургской Академіей Наукъ о теоріи свѣта, его
волнообразномъ движеніи, поляризации и рефракціи
и, въ самый годъ своей смерти, изслѣдуя, (въ письмахъ къ
Буассере, своей сестрѣ и причинамъ проявленій радуги. Свѣтъ,
или, всеобъемлющій чужъ Теге виденъ и въ его ученіяхъ
произведеніяхъ.

(1773)
V. Фрауеръ Теге (I. а частъ 1774—1806; II. а г. 1800—1831).

Онъ замечательна характеристика великаго поэта-
мислителя разборомъ его капитальнаго — трагическаго про-
изведенія „Фрауеръ“ („Faust“), надъ которымъ онъ зрѣлымъ
поэтомъ творилъ много, которое одно доставило бы ему
безмерную славу, еслибы онъ не написалъ ничего другаго.
Въ „Фрауеръ“ — весь Теге въ его поэтическомъ увлеченіи
и молодомъ скептицизмѣ зрѣлымъ чужъ. Слѣд-
ствиемъ полноты этого колоссальнаго образа замечательно
почти все мнимое зрѣніе, удивительно чужъ его безъ

¹⁾ „Goethes sämtliche Werke, 10 Bände mit Faksimil-Druck von K. Tederke, 40 Kupfer-Platten von Kaulbach. Stuttgart, 1875.“

сравнительно, эгоистическимъ взглядомъ на жизнь. Въ это
 время Тэре было что-то юнгеровское, грандиозное. Это въ
 заклинъ образомъ отказався отъ всего "внезапный"
 бытничного мира, сосредоточилъ все внутри себя - надо имѣть
 исполненную силу характера". Тэре-поэтъ зрѣлѣе
 годовъ. Это въ болѣе изучаетъ этого поэта и натуралиста,
 придворного и ученаго, педорика и кубелиста, министра
 и директора театра, этого сурового, "холодно" озвѣржавшаго
 бродячу Фридриху, "спокойно" выслушивавшаго извѣстие
 о кончинѣ своего сына, своего друга и благодѣтеля, при
 за Карла Альберта, и нехотѣвшаго идти за гробомъ
 Виланда, изъ опасенія просудиться; - тамъ болѣе у,
 знаемъ его, тамъ болѣе ему удивляемся и помимъ,
 емъ его. Все наши швейцарскія сраженія и обязанности
 весьма малочны и очень-газдо мѣшательство похвалять нѣтъ,
 муръ жизни высокой цѣль изученія. Тогда, про мѣсяцъ
 не обращать на нѣтъ вниманія, подавить требованія нѣтъ
 въ своемъ сердцѣ - будущее неизменно велико. Конечно,
 озадаченные люди, козорне рождая въ соръ нѣтъ мелкѣе
 ощущенія и конкретныя радости, называють такого
 теловика эгоистомъ, безубежденнымъ камнемъ, но на
 этомъ камнѣ создается высокая стѣна науки. Помъ,
 но и муръ этого камня извѣстъ нескрѣ, но для этого
 муръ смѣтливъ ударъ желтоза. Не пошевельнется
 отъ, если его будутъ колоть булавами: умиломуръ
 его одно всеубавшее время, тогда-какъ нѣтъ научное
 бытѣе прорветъ полету незримой инфорции. Въ муръ,
 разуръ еще нечѣ, тамъ въ жизни, посредничества
 идей и звердить убѣжденія. Родкии писатели при
 кончинѣ своего поприща не оттаивать о произведенія

Впрочемъ, какъ извѣстно, Тэре нѣсколько сражался - сражались
 насасаваться внезапныйми, "rij mit kintoykai polozhivan",
 какъ отъ выразился.

своей молодости. Поэтому судит о достоверности, истинности и характере писателя по одному произведению так же еще странно, как по одному слову, сказанному человеком, выводит заключение о его характере. Стало бы кто не судит по одной мысли, высказанной им в известное время и при известных условиях: но описатель судит часто по той же самой мысли, только убоговысказанной писателем. Чтобы понять ~~всю~~ всю жизнь Лудовика, надобно изучить весь его произведение, (а не только только крупный, капитальный), проникнуть во тайны души его, скрывать часто аморальным — и опасным или нежелательным высказаться, — вырвать из сердца его завязки, недосказанные тайны. (✓)

Как уже знаем, после смерти Шиллера Гёте давал окончательную отсылку самому задуманному своему зворанию, надзорным от работала юриста мать; разумеется I. го главы Фрагса. Фрагса великой драматической поэмы основана на старом и далеко распространеном мифе о договоре человека с дьяволом, который обещает служить человеку во всей жизни с тем, чтобы во той получил его душу во свое владение. Возь содержание. (В начале этой трагедии, до заключения договора с горлом, Фрагса изучил магия багия и познания. Он изучил все тогда существовавшие науки, приобрел известность и славу, но ни во природе, ни во книгах, не нашел разгадки важнейшим вопросам багия. Он боролся понемалу и средними, и поэтому изучает магию, вызывая серьезнейшим образом, надеясь с помощью иль разрешить

I глава.

неразгаданное. На его заклинанія ^{къ нему} являлись духи земли,
 но земля, песчинка въ ряду міроздація, не дасть ему
 озвона, и въ то-же время, какъ ни мала она, но од-
 нилью подавленіемъ своимъ приводитъ въ ужасъ Франца,
 озвоная ее гордою на все его требованія, и умоляетъ
 прохитъ его воли, сказавъ ей насмѣшливо: „Ты подобна
 духу, котораго ^{выражен} позираемъ, но не мнѣ!“ Слова эти по-
 бергаютъ Франца въ отчаяніе. Оно — подобіе возмуща-
 ющаго и кичливаго передъ духомъ земли и никогда
 не будетъ въ созвоніи повелѣвать мнѣ. Къ чему
 же повела его магія. Видя своего слабшаго и ничто-
 шнаго и въ то-же время цезору скотинскую уче-
 носца, какъ нарочно являющаго къ нему въ мѣстѣ
 глупаго педанта Валера, Францъ рѣшается умереть.
 Оно подноситъ къ сердцу чашу съ ядомъ, какъ вдругъ
 раздаются звонъ колоколовъ и рожокъ, церковное пѣніе.
 Маскутила хоршевская миссура для Христіанна
 — воскресъ Спаситель міра. Звукъ эти ошарашиваютъ
 Франца, напоминая ему о томъ днѣхъ, въ которые оно
 пошло и вѣрило. Они успокаиваютъ его волненіе,
 и оно откладываетъ свое намѣреніе. Но лукавый не
 дремлетъ. Получивъ (въ прологъ пьесы) позволеніе отъ
 бога искушать Франца, оно являясь къ нему, раздра-
 ждаетъ еще болѣе его досаду на природу и галовосерво,
 осмѣиваетъ науку и ученость и предлагаетъ ему обра-
 зиться къ другой сферѣ жизни — чувственнаго на,
 наслажденія. Францъ рѣшается прожить нѣжъ жизни
 рука-объ-руку съ горлономъ, котораго отбываетъ ему здѣсь
 слышитъ вѣрно и усердно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы
 жаль оно ознозило ему томъ-же самъ. Полный

презренный къ другимъ и въ пущихъ разсудливъ. Французъ прибавляетъ еще одно условіе къ договору съ горфомъ. "Если онъ хоть разъ скажетъ мгновенно: озабоченъ! — это значитъ хорошо." — То пущъ въ эту же минуту отъ утробы и будетъ принадлежать горру. Медисдорфель соглашается и предлагаетъ ему пущиться въ большой или маленький сводъ. Французъ самъ выбираетъ малый, и Медисдорфель вводитъ его въ развѣтвляющіяся бесѣды. Пресиде всего отъ возвращаетъ ему поподорожъ волшебною манерою, разширивъ въ то же время его убежденности. Французъ видитъ Маргариту (Трезхемъ), проситъ и скромную добушку, и вымываетъ въ нее. Медисдорфель преданъ, събитымъ еще больше распахиваетъ глаза Французъ. Онъ слышитъ отъ тисой и невинной Маргаритой (Трезхемъ) въ просвѣтѣ и добродушно пробуждаетъ въ немъ соображеніе къ ней, и тогда погаситъ въ сердце своемъ пламя сладомодія. Французъ удаляется въ горы, въ удивленіе, и тамъ, на свободѣ, обращаетъ оныя къ поклоненію величественнымъ силамъ природы. Но дѣломъ увлекаетъ его изъ этого убѣжища, предсказывая ему французъ бѣдной Маргариты, которая изнываетъ въ одиночество, отъ любви къ Французу. Только разсудка побѣждаетъ, глаза беретъ веритъ, Французъ оныя у ногъ Маргариты. Словами, полными страха и огня, убѣждаетъ отъ бѣдную добушку притянуть его у себя ночью, въ ея скромной комнатѣ, и налить нѣсколько капель соннаго эликсира въ чашку ея мажери, чтобы она не помышляла нѣтъ свиданія. Маргарита увлечена, огарована, побѣждена страхомъ Французъ, — она предается ему безраздѣльно и безозабоченно. Но любовь ея не удовлетворяетъ Французъ: отъ пущъ кованъ

Вспомогательное раскормление утомленного и полуживого святого. Такое счастье для голодного оканчивается долгой бредовой фазой (больше распрощанное на западе), который чередуется с его думой, мучительной терпимостью. В глубинах средних веков записаны легенды много, и в счастье, волею обстоятельств тех (как и в русские сказания о Савве Труднолюбивом, который тоже из-за любви продал свою душу дьяволу) главную роль играют богородица, заступница кающихся утомленных, предвещательница божественного милосердия. В это время душу продают из-за любви, богатства, славы, мщения, а не из-за знаний; но вечно знаменитые ученые, даже из духовенства, народная молва обвиняет в сношениях с дьяволом. Идея о познании своего думного за науку и идея о всемогущести науки с особенной энергией выдвинулись в эпоху возрождения; тогда оштрафованы алхимиков и их старые задачи присоединилась самая смелая — создание искусственного человека. Книжное процветание вовсе не убilo и даже не ослабило суеверия; втора в колдовство в XVI веке была сильная, только в XII — XIII веках, и дьявол, мотыль брыз, никогда не были так популярны, как в время Мозера, который бросал в него чернилщицей и спокойно заставлял, если узнавал, что мушкетеры производят зелье, ко черту.

Около этого времени составилось и сказание о докторе Фрагере, в основе которого лежало, несомненно, какое-нибудь гравировальное изображение, но какое именно, мы наверно не знаем. Первое несомненное и довольно

Ясное известие о немъ мы имеемъ отъ 1507 г. въ пись-
мѣ ученаго аббата Йоханна Труземия къ его привратнику,
въ которомъ онъ говоритъ объ известномъ маршалахъ
и лавру Георгии Саделмита, который называется самъ Фрауеръ
младший, неограниченъ неограниченъ, и пр., и пр. О томъ
же лицѣ упоминается въ 1513 г. известнымъ эрцгерцо-
вскімъ гуманитеръ Адрияномъ Руръ, который его уже прямо
называетъ Георгиемъ Фрауеръ. Но выражение въ письмѣ Трузе-
земия: Фрауеръ младший указываетъ на то, что Георгии
Саделмитъ явился подражателемъ какого-то предше-
ствующаго и прославленнаго Фрауера старшаго, имени
неизвестнаго. Въ Литонию Тейдербергскаго унвер-
ситета знаменитъ, что въ 1509 г. тамъ получилъ степень
доктора какой-то Йоханнесъ Фрауеръ, по имени Буръ, рози-
самый, который, по преданию, записанному подъ 1525 г.,
совершилъ походы на винной ботвы въ Лейпцигъ, въ
погребъ Лурдаха, и многократно дружить надобность дѣла.
Какъ бы то ни было, несомненно, что въ сороковыхъ и
пятидесятыхъ годахъ по Германию ходило много разска-
зовъ о неограниченъ Фрауера, у котораго была какая-то
удивительная собака, превращавшаяся въ слугу, и ко-
торый былъ задуманъ чертломъ въ одной деревенной банѣ
Визенберга; къ концу сказанія колдунство заклинъ раз-
сказовъ все увеличивалось, и къ имени Фрауера приу-
точивалось много старыя сказанія о знаменитыхъ
магатахъ. Эти разсказы въ 1587 г. были собраны Безилемъ,
имени авторомъ въ одну книгу, полное заглавіе которой
заково: „Historia von Doctor Johann Fausten, dem we. We.
schreiteren Zauberer und Schwarzkünstler“ (Исторія о доктори
Йоханнесъ Фрауеръ, далеко знаменитыхъ волшебниковъ и

гернокнижничество, какъ оны заключили съ герцогами
нессменский договоръ на извѣстный срокъ (24 года), ка-
кій удивительной приключеній въ это время оны ви-
дали, что сами дѣлали, пока не получили наконецъ
заслуженной награды - болѣею газето изъ его содѣяемъ,
ныне писаній содѣяема и къ награде приговорена,
какъ суровый приговоръ и вѣрное предохраненіе
для людей высокоумныхъ и безбожныхъ).

(Эта книга, пещорія о драхъ фрауеръ, вышедшая во Франк-
фуртѣ на-майне, принадлежала одному евѣно въручу,
целю прозеерану и ввела этого волшебнаго героя въ ли-
тературу, безъискусственно содѣяемъ ходячіе о немъ анек-
доты, а также и многозрѣніе письменная свидѣтельствова.
Теорія - Рудольфъ Видманнъ въ Швабскома Талль, франца,
заческій мюзерантинъ, въ 1599 г. переработалъ эту пещо-
рїю и снадѣлалъ ее предохранительными увѣщаніями
и многими замѣчаніями о колдовствѣ, которая допол-
нила поэма Нюрнберскій брава Фоганго. Николай
Торизеръ въ 1674 г. Озвалъ авторъ, скривавшійся подъ
именемъ, Свѣтлейшъ Неундеръ (Христіански думаносій),
воскреснулъ въ 1728 г. ученій приложеній и сдѣлалъ
извлеченіе, которое часто печаталось, подновлялось и рас-
пространялось на Архарка въ какъ народная книга. Но
между темъ этого стожеръ получили у немецкой публики
право гражданства уже въ другомъ видѣ.

Вскорѣ послѣ своего перваго появленія, пещорія
сзала извѣстна въ Англии и Хрисосфоръ Марло взвѣл
ее въ основаніе трагедїи, которую англійскіе комедїан-
ты принесли не позднѣе начала XVII столѣтїя въ Герма-
нію, гдѣ она испустила разныя передѣлки и прошла
всѣ фазы развитїя популярной драмы, пока не была

+) Marlowe, пред-
теперешняго
Мексепра

выдана с настоящею сценою и изгнана въ сферу юж,
вольной комедии, гдѣ она блистаетъ свое существованіе
и по сію пору.

Въ упомянутой книгѣ (Мозоритъ о драмѣ Фрауези) за предъ,
словіемъ слѣдуетъ глава о рожденіи Фрауези. Будущій докторъ
былъ сыномъ крестьянина и родился близъ Веймара. Отецъ
его, имѣвшій много друзей и родичей въ Визенбергѣ,
послалъ своего сына для воспитанія въ зрѣль городѣ. Богатые
родственники принесли мальчика въ свою семью, и звался
Фрауезъ, благодаря болѣе или менѣе способностямъ, скоро приобрѣлъ
степени магистра и даже доктора богословія... Фрауезъ парод,
ной драмы есть профессоръ въ Визенбергѣ, но не удовле,
творенной наукой. Онъ забываетъ, что когда обращенъ
къ магистру, его добрый геній предохраняетъ его, а злой
поощряетъ; его помощники, famulus Вагнеръ, приводяща
двухъ студентоу, которые передаютъ ему давно знамен,
ную магическую книгу. Съ помощью этой книги Фрауезъ
заклинаетъ дьявола: онъ беретъ въ себя въ услуженіе
самаго быстрого изъ нихъ. Многие изъ нихъ недогадочно
для него безъ меры; его удовлетвореніе зовисо Медерсдорфелъ,
быстрый, какъ теловическая мысль, это не савъ сагана,
а взоросезенный дѣлъ Медерсдорфелсъ (вн. Медерзо-
филсесъ, ф.х. Мр. фото-фильмъ, независимости свѣта). Медри-
сдорфелъ досажаетъ у адекаго князя условія договора: онъ
будетъ слушать доктору 24 года, а зарплата поеладный
будетъ принадлежать аду. Когда договоръ заключенъ,
Фрауезъ беретъ поеладный одиныхъ княжескій дворъ и ме-
дери-сдорфелъ несетъ его по воздуху? При дворѣ въ Пармѣ
онъ забываетъ приуса своимъ чародѣйствомъ и пока,
зываетъ ему образы прошедшихъ вѣковъ, между прочими

Фрауэр, заклимаеца духова, но они къ нему не могутъ
придраться. Проривоположеное завершаеца въ посылкѣ,
ней сценкѣ: Таневурска, претиде елуга Фрауера, едѣлаеца
земель погнѣиша сродосиельнѣ; и въ то время, какъ бѣжи
послѣдній часъ жизни Фрауера и небесной голоеи возъ-
вѣщаеца ему вѣгнѣишѣ судѣ, и узнаеца емерзи разрываеца
его грѣбѣ, Таневурска поеца сродосиельнѣ пѣсни и наслаи-
даеца призракомъ фримерекскимъ сущесрвоваиельнѣ. Чи
здѣсь высокѣи суррепмента вѣдуца къ погнѣишѣ, и екаеца
мѣвъ золотко розѣ, кро доволсрвѣеца рѣсентами граминцами.

У Видмана Мерксхофелъ въ первомъ ^{разѣ} явилеца изъ-
за пѣски, и первый похосиеленѣ Фрауера проислѣдѣца въ
Лейпцигѣ. Въ 1674 г. вышла передѣлка книги Видмана,
гдѣ впервые явилеца Маргарита (вирогельнѣ Бѣгъ и мѣсти),
скромная горожанка, любовь къ козорой чурѣ было не
снасла Фрауера; но Мерксхофелъ запрѣдилъ ему женитѣца
и подсузилъ ему красавицу Елену Фродмекую. Эта пере-
дѣлка легла въ основу любочной книги XVIII вѣка,
козорая, бѣгъ сомнѣишѣи, была въ рукахъ у Тѣре. Другую
версию той же легенды Тѣре знала изъ курюкской комедии
о дѣтѣ Фрауера, козорая выродилаеца изъ народной пѣснѣ,
кой пѣси, въ своѣо очередь выродившеица (какъ уже
знаемъ) изъ трагедии Христорора Марко. Народную пѣ-
сню пѣсню знали Лессингъ и въ 17-мѣ литературномъ
писанѣи (въ февралѣ 1759 г.) образилъ на нее вниманѣе своѣе
читателѣи. Они не могли допусцица, чтобѣ Фрауеръ подпалъ
власти ада; поэтому что они не могли признаца суррепмента
къ пѣснѣи доволсрвѣишѣ. Въ упомянутомъ писанѣи оооъ
привѣлѣ одну сценку изъ своего плана и бѣгъ сомнѣишѣи
возбудилъ зримъ болѣе молодыхъ пошвои къ образованѣи.

этого сюжета. Доведши литературную революцию нашла в Фрауерн себе подобнаго, высокоустремившагося гения (Ротшюдин), который только новыми пурдями и зиганаче-ски возмущал прозивъ обыкновенной ограниченности, сри геловочеува. Тѣзе, еще будучи студентомъ въ Свразбургъ, заинтересовался эрмию сюжетами (какъ и многіе дру-гіе изъ его современниковъ: Павелъ Вейдманновъ въ 1775 г.), Шибойнессъ Мюллеръ въ 1776 и 1778 г., Клиппель въ 1791 г., Флишер Созернъ въ 1797 г., Фонтанъ-Фрадринъ Шинкль въ 1804 г., Карль Шене въ 1809 г., Августъ Клиппелманнъ въ 1815 г., Юлий Фроссъ въ 1823 г., Траббе въ 1829 г., Карль фонъ Толб-зей въ 1832 г. и Ф. Д. Тосферманъ въ 1833 г.), составляющіе цѣлую литературу), а позднѣе и рѣшилъ направлениемъ, которое задумалъ придать ему Лессингъ, но серьезно ра-ботать надъ Фраусомъ отъ принялъ въ 1774-75 годахъ и не выпускалъ его окончательно изъ виду въ продолже-ніе всей своей жизни.

Тѣзе зналъ народную пѣсню и народную комію. Онъ взялся за этого сюжета приблизительно около того време-ни, когда началъ обрабатывать "Тѣза фр. Берлин-Литтленъ", братья за образецъ хроникси Шекспира, сохранилъ драмъ, зически разсказалъ происшествіе Изгара и презиралъ традиціонныя правила. Это "Фрауерн" уже не могъ сбросить съ себя этого характера: отъ еще и домыслилъ Явдезель на, епюшккой надъ велики театральными правилами, и чтобы приобрѣсти для сцены его замѣчательно театральныя качества, необходимы были обработка и передѣлка.

Тѣзе набросалъ пѣсню оурывочно, въ прозе, исполняя только отдѣльныя части. Но когда отъ узналъ и покло-билъ Ганса Сакса, отъ рѣшилъ даръ старо-нѣмецко-ну

столезу и старо-нмцескую форму и выбралъ для этого Кн. Ф. Felverse. Осенью 1775 года были уже окончены раба сценки, но въ Веймарѣ она оставила работу. Въ концы краѣ, Анскаго путешествія она снова приняла за нее и далъ предварительную предѣлку, оцѣнку и въ 1790 г. вышла "Фрауэр, оцѣнка". Затѣмъ она забросила все, пока Шаллеръ, сблизившись съ ними (съ Тѣзе) не настоялъ на необходимости закончить великое дѣло. Въ началѣ 1797 года Тѣзе написалъ посвященіе, оба пролога и сочинили планъ цѣлаго, первой и второй части, и велѣлъ за званіи продуманными планомъ работа снова подвинулась, но въ апрѣлѣ 1801 года она оставлена и зонтко въ мартѣ и апрѣлѣ 1806 г. "Фрауэр, 1-я часть" уже была готова къ печати.

Содержаніе ея, какъ мы уже знаемъ, не многосложно, не запутано, но каждая сцена воздѣйствуетъ душу второго кардинала знамя человеческого сердца и природы. Безъ покойное сужденіе Фрауэра, шотландскій докторъ Неддереръ, фельдъ, англійская прозвора Маргаритка оставляютъ глубокое впечатлѣніе. Такая велика оцарованіе, произведеніе этого поэта, что, читая ее, невольно сочувствуемъ лицамъ, въ ней дѣйствующимъ, живемъ съ ними одною жизнью, сливаемся съ ними мечтами и идеями. И когда гро-мочно-суровая кардинала эта заключитъ глубоко-высшее сужденіе сценного въ землицѣ, — странное, зловещее существо, прозвѣвъ воли, поднимается на сердце, и испо-линскіе образы этой поэмы превозмать дневная забота ежедневной, прозаической жизни.

Тѣзе не могъ воспользоваться ни Тамесбургскимъ народ-ной драмы, ни прозойно-мощанскимъ осужденіемъ

Ему срамовица дело его безумие. Илья овладевает оу,
 гадние. Онъ хвараетъ за кубокъ съ Адомъ и уже несетъ
 его ко рру: вдругъ раздается вблизи колокольный
 звонъ и пасхальная повесть: „Христовъ воскресъ!“
 Воспоминание счастливой дружеской встречи удероливаетъ
 его оу послѣднего серьезнаго шага. Онъ разражается
 слезами: „Земля снова меня приобрѣла“, восклицаетъ
 онъ. Въ Свѣтлое воскресенье подъ вечеръ на прогулку
 къ нему приезжаетъ Меришоффель въ видѣ пуделя; а
 дома, когда пудель мѣшаетъ ему работать, онъ замъ,
 гаетъ наедину его природу, закликаетъ его, какъ въ
 народной книгѣ, и заставляетъ его явиться въ челоу,
 тесномъ образѣ. Французъ показываетъ охоту заключить
 съ нимъ договоръ. Но Меришоффель хочетъ уйти прочь,
 мы не знаемъ хорошихъ, зачѣмъ, и удаляется. Тѣмъ
 намъ рѣшается предпринять большой университетскій курсъ,
 диспутъ, это снова должно было явиться Меришоффель,
 но зорь плати не были выполнены. Но онъ и безъ того
 находится въ работѣ комитета Французъ: договоръ, кото-
 рый предлагаетъ генеръ Меришоффель, заключенъ. Мери-
 шоффель поступаетъ въ услуженіе къ доктору; договоръ
 долженъ существовать до зѣмь поръ, пока докторъ оха,
 черезъ неуронилъ; когда онъ успокоится и съ самотовомъ,
 съвѣтъ скажетъ мимуръ: „Везановиет! зы замъ прекрасна“,
 тогда онъ подаетъ подъ влаетъ Меришоффель. Меришо-
 ффель увлекаетъ его; онъ долженъ выйти изъ кабинета
 въ жизнь. Они въишитаются въ попойку веселить до-
 бариней, съ позоромъ Меришоффель продолжаетъ свои
 болшедние шутки. Они приходятъ въ кухню вѣдѣтъ,
 где Французъ поучаетъ напизомъ, возвращающій молдаветъ.

и влюблен с молодоецко его отваживает любовь. Это
воспламеняется сразу же к одной мещанской дт.
вунтке, какъ въ народной книгѣ, и невинное Мар,
гариты (Трехлетн) очищает его сердце; но дьяволъ воз-
буждает его къ грѣху; онъ поднимается, и Трехлетн
мѣ-за злого погибаетъ. Мы должны думать, что онъ рас-
каивается, приходитъ въ озлобленіе; но это раскаяніе
происходитъ между первой и второй частью драмы, и
Тѣе только слегка касается злого. ✕

Въ сценѣ "Индермедіи" ("Индермеццо") Тѣе помы-
слы относительно мещанскія противъ своихъ непре-
лей / и многие изъ его намековъ и остротъ утратили для
насъ всякое значеніе). Но сцены въ "Кукля вѣдбѣ",
"Валмуріевой ночи" и "Индермедіи" - "Индермеццо" неаб-
ходимо по содержанию поэмы для того, чтобы москов-
никтошество утомить сценическое Франца къ духовно-
му и заставитъ его обратиться къ земнымъ удовольстві-
ямъ; онъ въ то же время заключаетъ въ себя куклю
сакуру на мостіа Индерицкѣ, ученый и политиче-
скій мѣстнй того времени. "Кукля вѣдбѣ" содержитъ
въ себѣ сакуру на мурнальцова того времени. Вѣдбѣ
— по выраженію Лейбхера — мурнальцова (Musen des
Kuckuck). Таблица умноженія (Das Fünftel- und
Kochbuch) вѣдбѣ надъ волшебствомъ мурналь-
цова, молодой — прѣдъ насмѣшка надъ филосо-
фами, излагавшими иногда свои мѣстныя гуманно-
мелкопопныя выраженія. Валмуріева ночь — ал-
легорія самаго грубого развѣда, самой грядной гурьбен-
ности. Это насмѣшка сакурумн среднихъ вѣковъ.
Валмуріева ночь получила свое названіе отъ Валъ.

угодливо раку,
какъ и Тѣе
постарался сво-
ихъ непре-
лей въ ад-
въ свои доброты
вѣдбѣ

1) Срав. его Континентаріумъ: F. Leibwieser: Was ist Faust von Goethe.
Königsberg, 1838.

пурги (Walpurgis / Walpurgis; wal + purg^(Luzg), какъ wal + halla),
дочери англійскаго короля Ричарда IX ерцотцзид, рас.
просурандвшеи ернезиянево и приуменной казони,
чесского церковнои къ мкку свѣдѣль. Пандрсеа празд.
мщера 1-го мая, и въ ночь накануни Орого числа,
по народному повѣрью, на вершинѣ Тлокеберга (Тро.
кенъ) собираются души и вѣдѣльи праздновать свой шабашъ.
Въ этой сценѣ Тѣзе данъ просюръ своей франзази, оми.
чезворитъ самый прихотливый созданія народнаго
воображенія и вѣдѣльи ея зѣльи пансер онезюкисе
удары Хриезиану Николаи, Берлинскому литератору-
книгопродавцу, уписавшему въ своиѣ криуиескии
изданія все, чѣльи гордилася Термаица. Въ. Мисер.
мензо подъ шкенеиъ Проккооранзазиуса⁴⁾ вѣдѣльи
закне Николаи.

Франзеа, болге тѣльи какое-нибудь другое литератур.
ное произведение, мщрадеа въ каметзаридѣ. Обицй
голосъ обвиняеа ея въ невсоези, незюкисе, зѣльи.
ноези вѣрменей, даме гаета въ совершенной оузу.
сѣви какой-либо лѣли. Обвинители никакъ не хорду
пондрѣ, что гений не должетъ уписываеа до зѣльи, но
срачаеа поддрѣ ея на высочу, на козрой самъ на,
ходится. Вообще главное свѣдѣльи Тѣзе сюеюзи въ
просюри и вѣсоези. Въ эпоху философи Канта
и зѣльи вѣльи укорзѣнй, оми едвали не первый за,
говорили мщрадеа и обидепондрѣнйи зѣльи. Са.
мкку позднѣ понимать оми не мѣле, какъ подъ гла.
сѣльи сѣльи сѣльи. Въ его слоги еае много зѣльи,
сѣльи просюри, вѣльи сѣльи и карзѣннѣе.

Въ первой частѣ мы вѣдѣльи Франзеа, маидущаго

В прѣнтѣ, заднѣца, phantasmist, мѣрмареа, проктопан.
тасмист, мѣрмареа заднѣца или заднѣй мѣрмареа, з.с.
мѣрмареа, мѣрмареа Франзеа мѣрмареа мѣрмареа.

утолить свое стремление до туманного оргия Вальсбург,
 свой ночи, до любовной по прозаической Трезхенк, но
 напрасно все усилия и его самого и неформального: они
 не померз не только утолить, но даже ^{поблизости} этого стра-
 ления. Сравнительно развязкой оканчивается любовь Фрауера,
 но бедная Трезхенк спасается от бойшильки не
 счастьем и удачей. Шивви Трезхенк и она стала бы в
 здвоет Фрауеру. Ему мало было этой прозой, наивной
 любви, — Трезхенк — маргарита была не Елена Троянская.
 Кругом маленькими драматическими Фрауера в маленьком свт.
 что кончается, — она не рождается к эским маленьким стра-
 стям и оцущиваемым — и вторая часть (драмы — поэмы)
 предвзвешивает как бы его на новом, одимиритивном по,
 против действительности.

В 1824 г. Гёте решил взяться за окончание второй
части Фрауера, и в 1827 и 1828 году стали извозчики оури-
 ки второй части, а в 1831 году была окончена 2-я часть
 Фрауера. — Впрочем, богария собирались и с маленьким эхе,
 зическими поуредноездами не однажды создавали сырой ма,
 зериаль, из которого больше уронченый эпохи зворили
 свои лучшие Людоинеевечный произведения. Переселе-
 ние народов огаило последующие века немецкой
 героической сагой. Правление Карла Великого и его пре-
 дшественников дало начало французскому национальному
 эпосу и меланчиве стокеры для древне-французской
 и средне-верхне-немецкой поэзии. В Германии XVIго
 столетия жили два Фрауера, королю величайший
 поэт XVII и XIX столетия дали безмерие. Образ Фрау-
 ера связывается с этой эпохой немецкой литературы. Они
 проходят через две эпохи, почти походямо виро,

II часть.

спад, и изъ глубины народной забавы доерлаеиъ вьсо, тайинно вершишь поэтическаго искусства. Возг содер, знание (планъ) II Части Фрауера (какъ его похищаютъ одною изъ путинъ знарокъ Фрауера, Вильгельмъ Шереръ, не разъ издавший въ Витонъ - въ Берлинъ еспециальныя кур, съ о нелю):

I (Въ началѣ злораи побывающаго голову вичовнаго (въ гителн Трез-Летт) Фрауера, успокоивающаго зерзанид его сердца, удаляютъ озо него пламенный, горскій сурелн цурекса, купаютъ его въ росѣ козюка лезы (забвешид) и возвращаютъ его свадоту стору. Зарылъ онъ видимъ его вьперсъ съ ме, фризгофрелель при дворн. императора, козюраго оти нахо, дартъ въ зазрѣдмизаломнч франансавалн положеннн; оти помагающа ему болмедсудвалн и Фрауеръ показываеиъ ему влелу. Но въ видѣ производяиъ на него саиного магии, ское дннсьвие. Отн Лохеръ овладаетъ его, хвазаетъ се, но проислаетъ взрывъ, Фрауеръ летитъ на земли, вилена расходитъ въ паръ; здѣсь оканчиваеиъ первый актъ.

II Мерисгофрелель озноситъ безнаиладнаго Фрауера въ его старую рабочую комнату. Отн, между росн, работаеиъ его презитнн фамилис Вагнеръ, козюрий едилалнъ ве, микое озкресие: ему удаеиъ искусственныиъ образомъ произведи маленскаго челоука (Номинелус), и згозъ Номинелус оказываеиъ екоросителннъ чини, коиъ особаго рода: отнъ называеиъ Мерисгофрелель сво, нннъ двокороситннъ Фраззелнн; но отнъ видитъ острнн, чнннъ згозъ ствертнн горзъ: отнъ чрадываеиъ мисли Фрауера, козюрой еще привазаиы къ вилелн, и рекоанен,

помощь, они равно со, талитъ оспрадибнн, не сиорн на зо, тресоч, менъ отн или тивнннъ Солнце везаетъ во вселн стоснн велннн; итннн дучовн успокоиваеиъ Фрауеръ отн удивляеиъ красннн чн, отн и сравннваетъ зснннн съ лобннн съ каскнннн, на, ваточнннн со сканн.

Дучеиъ перемеситъ его на почву древнозери: въ Фрауералн козювиетъ классическая Валнтургнелва козъ, сходка -

II Фрауеръ, летитъ челалнн, безноконннн, летитъ на урартъ, во ире, краснннн мнсьоноложеннн, ннра сна и озлохновешид. Надъ ннннн Мерсеръ Лоръ Эльфовн, и Арнелъ, подн збукн золонннн арфн, поетъ вьсо, ннра поетъ чунннннн: „Злораи всегда сурелндетъ руда, еднъ погнъ коиу-надъдъ

История поэм. литературы XVIII в.

сборище древне-греческих привидений. Только затем мы
 снова узнаем о Франке. Это совершается; Мерсигофель
 и Ноттингем озирываются вконец с Франком по воз-
 духу и спускаются на фарсальский полдень у Персея. Как
 только Франк коснулся земли, он спрашивает: "Откуда?"
 и отсылает между мифологическими существами и
 спрашивает: "видишь ли ^{никуда} крошечную вась Елену?" Цетавр
 Лирон берет его на свою спину и несет к дочери
 Эскулапа, пророчице Канто, как полтышанного, которого
 она может вынуть. Но она восклицает: "Я люблю
 того, которого невозможно", и обгоняет вину,
 сунув его через земной ход к Персею, затем вы,
 потому что Елена. (Сцена, во которой он это делает,
 не была написана).

III. В зрелище акры, посылка того, как с шумом про-
 несется — прощались чудеса классической Вальтургиевой
 ночи, посылка того, как Ноттингем разбился у края
 соды, у раковинного зрелища Таладеи, посылка того, как
 Мерсигофель надтал амурный костюм и принудил быть
 Фроксиады, меланія Франка непонимает: Елена уже
 на земле — в верхнем мире, в Спарте. Из палаты
 ее изгладилось все, что было посылка падения Трои
 и возвращений докой; она думает, что только что
 пришла к Эрике бергаль, вселенная вперед мена-
 лась, чтобы увидеть сверхъестественное. На пороге
 дворца ей выходяще на восточную Мерсигофель в виде Фро-
 киады (или Форкии) и задвигает, что жертвой назначена
 сама Елена; что ей предыдущее уверяет о ее смерти. Но
 Мерсигофель предлагает и средство к спасению: во вре-
 мя орудий Меланя северной воинственной народ.

поселился в горах за Спартой; его властитель даст ей защиту. Она согласна. Во владениях румянских Африки, сооронил переносить ее вилы с ее сменными в за-
мочь, где Француз, как властитель, окруженный призра-
ной свитой, принимает ее и бесцеремонно приобретает ей мо-
биль и уводит ее от собою в Аркадию. Плоды иль союза
— малюток Эвфоронты (прекрасный, как ангел); но она
через-чур развигля в шри, вступу Фрасера, взирает
на скалы, хочет взобраться все выше и выше, хочет летать,
кидается в воздух и падает мерзвот у ног родичей.
Эго думь зоветь мать нур глубины и увлекает ее за собою.
Француз одит. Ему оралиет только одесиде Элены; она
распукается в облака и уносит его прочь.

IV. Во гетверзоль акра она выводит нур облака на вер-
шинь высокой горы. Авладет мериесорел и спраши-
вает его, узнает она во время своего далекого пути по
разным землям не видела ничего такого, что бы его
привлекло бы, чтобы она могла бы владеть? Француз дит,
срвизельно ширеть такое селение: она хочет отнять землю
у моря, сделать безплодное плодородивить, победить
неукротивую сублию. Француз исполняет его воля. Про-
завь императора, которому она уже помогал одманди,
встопило восзание; Француз и мериесорел приходят
на подмочу сь виледной силой и победителем его бра-
говь. В награду за это Француз получает во владение
морской берег; (но сцену, в которой это дивизивельно
происходит, нур вь небеса).

V. Во идруль акра новое создание уже вь ходу, и ссоза,
рившийся Француз управляет, как государь, приобретен-
ной землей — страной. Тут претиде Ходили — думевали войны,

Уздой Тезе наказаны на Баурома

теперь просиравается луга, сады, деревни и леса. Медри,
 сфорель и духи должны слушать великимъ измѣнѣ;
 но зять отъ золько мочур, они мѣшавать въ дѣло свой
 двѣвольски-злой элементъ: зорювато и моремаваніе
 отъи обрацуютъ въ пиреуэрво. Они искаиваютъ волю вла.
 сизурѣ; гдѣ они должны дѣйствовать кроужимъ принужд.
 земель, гдѣ они мизурѣ и убиваютъ. Французъ пуберверѣ,
 кто пока отъ не удалитъ оуь себя лагин, воля его не
 можеть дѣйствовать свободно. На него нападаетъ Забога
 (Богъ Богда); отъи отказывается оуь свободъ магическимъ
 средѣмъ и не произноситъ ни одного величественнаго слова;
 но отъ въ золько и не мизурѣ: Забога не можеть осилитъ, оуьлозитъ
 его; напрасно отъ мизурѣ его словами; напрасно отъи,
 мизурѣ его своимъ дѣланіемъ: вичурѣ его по презрѣнному
 сизурѣ арсіи свѣтъ и отъ неудомимо забереь свобода мѣдѣй-помощниковъ
 на работу. Наго проложитъ каналъ, и Французъ радурѣ,
 слѣва, какъ бѣдро сургаъ монаха; но они кончатъ не
 го, что отъ приказалъ мѣ: они рогаъ ету мочилу.
 Между зльми Французъ въ своемъ умѣ, въ воображеніи ра,
 сурѣ себя будущее, когда на вновь приобращенной почвѣ
 будеть мизурѣ дѣлѣтний народъ. Отъ хотѣмъ бы сурѣ
 съ свободнымъ народомъ на свободной землѣ. Злидѣ отъи
 злого доеритъ, отъи сказали бы мѣговенію: „Осрановѣ!“
 Зѣи золько прекрасно: Въ золько предуберѣи отъи умираѣ.
 Медризорель проигралъ; ету не удалосъ надалго оуьклонитъ
 Французъ съ наурѣицей дороги; отъи ^{Французъ} оуькаладо послѣднѣяго
 часа неурѣанно оуьремѣннмѣ впередъ, дѣлѣтнмѣ дѣла
 блага одичаго и оуьидатоннмѣ удоблѣзворенія золько въ
 будущемъ. Напрасно Медризорель созиваетъ своего рабъ: она
 подѣвидена въ дѣлѣ съ ангѣлами. Небесное посланнмѣи

несузь навѣрѣ душу Фрауера. Нарія, окруженная каю,
цѣлился мечниками, несудей ему на-взрѣгу. Трезхенъ
принимаетъ его и переноситъ въ высшій сферъ: любовь
возноситъ его на небо.

Посмотримъ теперь на значеніе тѣхъ ака и значе-
ніе его къ цѣлой поэмы. Въ послѣдствіи. Дѣйствіи
мы видимъ Фрауера въ сцарсѣи. Онъ оставилъ свои сферъ,
ленія къ прекрасному и изумному, и шибверъ одного
узмилитарского дѣйствіе, сферъ ления къ полезному,
которое въ то же время и доброе. Онъ почитаетъ всего гизеру
человѣческой мудрости, раскаиваетъ въ томъ, что уредъ,
валъ услышъ отъ маги, все его шеланіе теперь увидать
миліоны народовъ, шибущи въ зрудатъ и дѣйствіа,
носа на мисеръ, завоеванномъ у природы. "Это была
дѣ дѣи мѣнъ самад придумад ликура!" говоритъ онъ, и
умираетъ въ то же время. Очевидно, что смерть приходитъ
къ нему по естественному закону природы, а не вавиде въ
послѣднѣи слова его и челоуи мисероферельнъ. Если
горъъ Логеръ, во что бы то стало, присвоитъ себѣ ду-
шу Фрауера, до это вавиде въ первой сцарсѣи челоуи, въ
которомъ сказано, что Фрауеръ жалъ судеть зотно жалъ же
слугово горъа, какъ зроръ билъ у него здѣс. Упущивъ
нужъ виду эту первую сцарсѣи договора, многіе комментара,
горы видѣли въ концѣхъ пѣси несообразное, въ осо-
бенности въ поедумкѣ мисероферельн, нештѣвилало,
но иль многіи, никакого права на душу Фрауера. Многіе
находили также несообразное произнѣ Фрауера.
Но, кромѣ милосердія Творца, отъ заслушиваетъ про-
шеніе самого перемѣного въ направленіи своихъ идей,
своими раскаяніемъ, которое, если и не выразитъ

во словах, что воскаживается во посылках. И почему,
 переиз кого дознается отъ спасенія? Черезъ эту же Треть.
 Хоть, возоружо отъ никогда поубили. Простота и невинное
 искусство мудрости и науку. Развѣ это не урокъ Хри-
 стианскаго смиренія? Неужели справедливые были бы
 погубили Франца, въ мѣсто возоружо осуществленю если
 не все человечество, то значительная часть его? Намъ
 кажется, что Франца инае кончить было нельзя и не
 должно. Осуществленіе вѣдь своего стремленія отъ
 находить въ себѣ, куда влечетъ вѣдь вѣчно-неизмен-
 ное начало, аллегорическое значеніе идеала менцизма
 какого намъ изобразилъ ее Христианство. ^{и даритъ въ своей} *Посл. Кочевій.*
 Въ какомъ
 дѣлѣ, ни въ одной религіи міра менцизма не зани-
 мала того высокого мѣста, на которое поставило ее
 Христианство. Менцизма на востокѣ была вѣдь, въ
 Индіи-рабинско, въ Греціи - маурско, менцизма у
 Христианскихъ народовъ возвысилась до Дѣвы. Главныя
 добродѣтели нашей религіи - жертвеніе и смиреніе -
 осуществляются въ менцизмѣ; черезъ Дѣву спасенъ
 весь родъ человеческій; весь добродѣтели религиоз-
 ный миссионерство олицетворилъ въ видѣ менцизма.
 Символомъ Христианства стала любовь, и вѣрный,
 нескончаемый источникъ любви горитъ въ одной
 менцизмѣ, въ ней одной отъ любви возвышается
 до небеснаго идеала. Одна менскаяд любовь можетъ
 купить заблуденія гордаго мудискаго ума, и Тѣра
 превосходно выразилъ эту идею въ своемъ *Sol und
 Lichte* - вѣчно-неизменномъ. Мракъ, въ глазахъ вѣдь
 людей, изучавшихъ Франца, взоромъ часть - превосходная
 поэма, въ которой нѣтъ ничего несообразнаго, которая

окапчиваеца такъ, какъ должна окончиться.

Если оставяеца въ сюрюти нехорошо Маргарита-Трехъ,
 Лето (и то, что и непосредственно предшествоуетъ), и если
 сблизяеца взоромъ гаетъ прямо въ договоромъ, то просаеца
 въ глаза складываеца ея парадной драмой. Складываеца и вылаеца
 кризисовоположннее: если гаетъ любовь, наследствие
 гудяеца героя, то гаетъ любовь и действительность спасаетъ
 его. Но все элементы поэтизации были даны: зольско
 похваление Элены при императорскомъ дворе должно
 было гознаеца воспламеняеца езраеца доктора. Мотивы
 Элены должны были быть сосредоточены; Элена не
 должна была быть изъ рукъ дьявола, какъ искусство,
 скорее она должна была принадлежать къ гаемъ ве,
 изаеца, коронидъ, ^{предметъ} оуа фраеца его неутомимое змление.
 Искусствительность Мериетхофеель Явдегедъ зольско года, когда
 въ гезбергемъ акте оно, какъ въ парадной драмѣ, гредъ
 лагаеца фраецу корону. Въ парадной драмѣ фраеца
 озбергаеца ея; у Тере оно же принимается, но ея прекрас,
 ный направлениемъ, которое его освобождаетъ: оно
 избираеца не властвееца, а работу. Правда, вынужденная
 связь гаетъ не вполне Яена. Но мы не губежвучемъ
 этого, когда сможемъ на все чудеса. Это взорадъ гаетъ
 действительность какъ волшебная пьеса, какъ балетъ и опера;
 и, какъ въ гаемъ сказочныхъ пьесахъ, гредованія
 мозавиротки слаботога. Сцена и акта гадуманы гредъ,
 вычайно театральны, и нисыны зольско сокращенія, то,
 би доезитъ сценаескаго зорфекта. Между гаемъ какъ
 первая гаетъ гредовитъ быть раздѣленія на акты, то
 во второй гаетъ Яена выданаеца особенный гонъ и
 особенная заключеніе каждаго гаемъ гредъ. Отызномъ

директоры театра знают, как надо удобствиться, при-
 влекать и возбуждать интерес зритель. Они вполне
 уладили здесь в пещерной французский мить, где слы-
 шаватся между собой, как у Раймунда, образы актри-
 кой и Ариэтианской религии, козла и естественного
 суетвория. И ^{возвращаясь} на величественную сцену, где Гогде-
 Забога приближается к герою... : Француз ступил
 с балкона, как блуждающий звезда. Это-то приближа-
 ется как стон к его дворцу. Выходят герои сардухи.
 „Я недогадочна!“ говорит одна. „Я Виана!“ — другая. „Я Забога.“
 — третья. „Я Нуида.“ — четвертая. „Дверь замерзла! мы не мо-
 жем войти“, говорят они все зрел: „Там же сидит до-
 гань. — Я стала замать тучью.“ говорит недогадочна.
 — „А я нитяна“, говорит Виана. — „Она меня отбрасывает
 замать избалованное лицо.“ говорит Нуида. — „Он не мо-
 жет и не смеет войти сюда, сестры мои, говорит За-
 бога, а я пройду и в замочную скважину“. Она не
 бежит. Сардухи удаляются, предугадывая приходы
 брата ишь... Смерзи! (Гол). Француз во дворце слышал
 разговор ишь, видел, как герцога подошло к дворцу,
 а чувил зорко зрел. „О, если бы ночь оказалась ошь маин“,
 говорит он. „Велика я была перед тобой, природа,
 просвятишь человека, когда бы сшил бышь ишь! А я
 была ишь, когда еще не блуждала во мраке. Теперь
 удаюсь ли ишь прожить один спокойный день, —
 ночь зорит меня очевидными“. Француз слышит,
 что закрыта дверь, видит, что никого не боится,
 и вздрагивает, спрашивая: „Кто здесь?“ Забога отвечает,
 зрел: „Я здесь на своем месте! Вели убо не слышит
 меня, то чувствую сердце. В различии видаю я

ничего всего ду она сфрашкучо влаеть. На дороге, на вол,
наль — вездь я безпокойный смущишь. Менья весь на,
лоддырь, ложа и не мизурь, и сфольско мне проклинають
менья, какъ и мезарь мнѣ. Развѣ ры никогда не знають
забога? Фрацерь: Я бисеро пробѣсмань по свѣту, почь,
зудес бѣзь разбора насладиденійми, какія попадамь,
осраблять рѣ, козорья оуь мѣня ускомьзали; я рѣбько
зредобавль, доерилалъ и ондѣрь сфрекилел. Эрозь свѣту
я знато хоромо, а вбвѣсь проградидена наль дорога.
Тлунь розь, козо обрацаерь руда свои взори, думаеть
за облакани свискарь себѣ подобнаго. Срой онов звердо
здѣсь и смозри вокручь себѣ; дмѣ смѣнаго не нѣмль
и эрозь свѣту. Залалъ гонярься за вѣчнѣсьго? Мо, тмѣ
онов здѣсь изеладучерь, доераеерь легко (*Вѣдѣт вѣчнѣсьго
in die finemъ zъ profumъ!* Вѣдѣт не мѣкань, вѣдѣт (i)мѣ,
умѣт). Забога: — Кталь я овладѣто, розь не найдеерь
радоери въ цѣлоль мѣрь, не поможурь ему вѣсь еокро,
вица. Онов чѣрерь еъ голода среди мѣднѣмѣ... Фрацерь
не вѣрерь еи и гоньрь ея оуь себѣ. — Онов не знаеерь,
идри ему или осеарься, продолнаеерь Забога: по гладкой
дорогѣ онов идерь оццубьто, онов въ рѣлоерь себѣ и дру,
мнѣ. Фрацерь рѣшизѣтѣно не призмаеть ея мѣццѣсѣва.
«Узнай мне его!» говорерь Забога и, думьва на него, неге,
заеерь. Фрацерь зердеерь зрѣнѣе, но первая слова его посли
зого, какъ онов ослигь: «Камеерь, тмѣ земноза суехилад
еуе болѣе, но внѣрь мѣня горьрь дръкѣ свѣту; стѣмь
совериньрьго, тмѣ я задумалъ. И онов идерь оударь при,
казанѣе продолнаеерь разбѣтъ со словами: «Дѣд зого,
тмѣбѣ совериньрь великѣй зрудь, доволѣно одного чѣна
дмѣ змѣдги рѣкъ!» — Эру сцену, гдѣ Забога приблинаеерь

къ герою и ослабляеть его своими прикособеніями, поэтъ написавъ и Раймундъ (жившій въ 1790—1836 гг., вѣнскій актеръ и писатель сказочнаго народнаго драмы), да отъ и написавъ подобную сцену, гдѣ поносъ проца, едетъ съ челоукомъ и до него дозрѣвается старое и гдѣ отъ на нашия глаза превращается въ старика.

Когда закиты образы "Фрагментъ" Тѣре не покидали до снѣ поры народнои сферѣ, изъ которой произошли, до въ зрѣлель акры, гдѣ являеться Элема, отъ сфрѣмляеть къ самоту высокому тону греческой трагедіи. Отъ не оозановилея на виршаль Танса Сауса; нѣ свободный и грубый ритмъ сталъ главне въ повѣйшнхъ газетахъ; явилея александрийскіе стихи; велики изрезонные баллы ямбы; при случаѣ не болы забыли пенанскіе зрѣки, а Элема говоритъ ямбическими трагедрами Эллинской драмы, пока соприкособеніе съ стверннми міромъ не знакомитъ ее во издичной и знаменательной мѣрѣ съ ривной. Въ сформали стиха измѣняется и сила, и широкій отвѣтъ въ манерѣ изображенія, которой продтила въ Тѣре, озрамаеть въ зрѣлы оиженныи произведеніи. Прозаическая сцена первой газети, гдѣ Фрагментъ зѣлכותо узнаеть о несчастьи Маргариты и гнѣвно разрамаеть прозивъ Лефизофска, показы, ваеть эмергисекій стихъ Шекспировскнхъ нѣсея и зву, пизъ, какъ будо она вѣдѣа нѣ (Райвалъ), Раздойничковъ Шиллера. Сраеть и сраеть, гнѣвъ и насмѣшка колосалъ, но поднимаетея другъ прозивъ друга. Снѣмляеть высокое и низкое; нѣкъ недосажа въ крупнахъ словахъ. Трудъ, нѣе звуки, барабанная дробь и разкіе тонны прозика какъ будо перемѣлають другъ съ другомъ. Такими же образы

субъектность въ началѣ; благоуханіе природы, которое вперь
 вкручь медь; крайній предѣлъ низости; Маленькій міръ
 домашнихъ дѣлъ, который ее наполняетъ; инстинкты
 бессубъектности, съ которыми она забываетъ о своей ссубъектности,
 естественная грація, съ которой она открываетъ свое сердце;
 наивная страсть къ нарядности и дѣвственности изъ народа; мѣ,
 бѣтъ къ золоту и бѣдѣ бѣдности; а также и первыя рѣчки,
 которые пролезаютъ надъ этой зеркальной весной душой;
 бауконойсво, въ которое приводитъ ее стѣнное обращеніе
 Франца; предчувствіе опасности; невольный зрѣнскъ не,
 редъ Мериозоселень; благоговѣившій срачь о спасеніи
 души возлюбленнаго; душевная зоска и самопожертв,
 вобаніе; неспособное указать ему въ чѣмъ-нибудь и
 все, что изъ этого слѣдуетъ: сукашествіе, зорьма и смерт.
 Срамный изъ отъ шиллинскаго къ зралисскому! Огаро,
 ваніе окружающае ее и среди вѣны. Возь однихъ прихотря
 изъ сценъ въ зѣтнийцѣ: Францъ. Стоимъ, не го пощѣди мы!
Трезлентъ (ласкаетъ къ нему). Какъ? что-то вѣтъ разучилась?

Возможно ли давно ли вы

Со мною разлучились?

М знаешь ли, вы срашались мнѣ!

Теперь не го, то президе:

Товало, какъ такъ сладко въ зиминго,

Въ избушка счастья, въ надеждѣ

На лучший, неизлѣпный край!

Въ звонѣ рѣчалъ

Въ звонѣ глазъ,

Я знала рай!

Цѣлуй же меня!

Не го, пощѣди жебѣ! (обнимаетъ его).

О, какъ голубчикъ губы зной!
 Скажи ^{мнѣ} что съ зобой сжалосъ,
 Куда двалася
 Любовь зная? О, зы — не зы!

Франсуа. Идель! спити! в уколдано!

Тыбѣ я пламенной любовью заплачу!

Маргарита. Ты — точно лъ зы? Я прознаю козу!

Франсуа. Я Тейприть зной! идель!

Маргарита. Оковы зы стискиши,
 Въ обдвизид зовешъ меня...

А знаеши ли, мой другъ, кого освободиши?

Франсуа (Франсуа увлечъ ее). Идель! спити! зтобъ не дождарся дит!

Маргарита. Я маръ родную погубила,

Я догъ родную угрошила...

А вѣдъ она

Обоимъ мамъ была дана,

Какъ и реды. Тузь есъ соитыкъсе...

Дай руку! зо не стовидыкъсе,

Твоя мобеуаъ рука!

Но отчело-тис она мокра?

Поди и одобри скорый;

Многъ камерсъ, есъ кровь на ней.

Поше, что зы совершили?

Ты шпачу своего обножили!

Спръкъ! спръкъ!

Франсуа. Промедше забудъ!

Ты губиши насъ.

Маргарита. Но зы шиви!

Я подробно ознаку мьса:

Бразъ подати марери ласнекъ,

(+) Фрагмент. Тили пошемы - озвораема дверь!
 Маргарита. Не слышно; дай меня - все конечно женер;
 Что пошемы? вѣдь все еще пошемы...
 О, какъ зданено пошемыиеть смиръ,
 Да къ зову еще
 Кермежду совнекъ съ собою пошемы!
 Что пошемы? вѣдь все еще пошемы...

Фрагмент. Такъ я озабоченъ съ зобой!

Маргарита. Скорый! скорый!
 Спасай зору!
 Все подъ зору,
 Все вгору рурьдъ,
 Черезъ зору,
 На голыну,
 Тутъ плотина,
 Тутъ старой зобой;
 Въ пруду, пошемыиеть,
 Скорый, скорый!
 Она еще вѣдетъ,
 Она веплаветъ,
 Она ошемыетъ,
 Сказанъ еще, зору!

Фрагмент. Опомнись, мать динь, «будемъ спасена!»

Маргарита. Ахъ, дуря мой, еслибъ я могла...
 Скорый бы зору мимовала!
 На камняхъ заны сидеть сфарула - маге...
 Какъ голова у ней повисла!
 На камняхъ заны сидеть сфарула - маге...
 Меня зобуйтъ при мысли!
 Не кибнезь, не лимнезь, какъ-то зика сидеть
 И дозъ долго снала, а, каснись, еще смиръ,
 Какъ, бывало, снала, зтобъ и знекъ
 Мать привоньное было вгвоиеть...
 Ахъ, счастливое было го вренди!
 Фрагмент. Не внемлемъ просьбамъ, не шобьамъ.
 Такъ силу я угрождаю!

Маргарита. Прощай, я насыта не съершлю!
О, не хважайся жакъ удивительно,
людила суб я зедя!

Грацерь. Своазяер! ошаннись! босиниль!

Маргарита. Своазяер, своазяер,
данъ свадсбн моеи наехунаер!
Но жи ни конку, и ни слова,
что преседе у Тредженъ бовало...
О, босне мой, ех меня ваноко знаель!

Айвогъ и плонцадъ, все розово,
Троладу когъ, народъ валмгъ...

Идегъ, идегъ невтмеза!

Идариль колосковъ!... сродгъ, никго ни съ мьса.

Онн меня ввасуръ, хвазаяуръ,
на нладу голкасуръ... о, босне!

Я черунато еилтъ,

Дросну при видтх мезвд...

Вдуръ веть зарылки нагнцмел, - а я?

Все зито, какъ въ мозилтъ...

Грацерь. О, мрше бъ не бови я рондеовъ!

Месриездорель (показываеца старушн). Мгла раднелъ, брезнелъ связъ,

Скорый! нлс ви погнблн.

Напраснвд ярочи! нурелъ слова!

Дрознули конн,

Заръ заидлаел!

Маргарита. Что жакъ безаеръ нлз земли?

Онн, онн! скорый озоннл!

Намн мнелъ свдгъ!

О, замурн!

Грацерь. Мелъ по виданъ я!

Маргарита (нагд на колтани). Судн меня, небесннй судн!

Месриездорель (увлекая Грацера). Бовзнтнль! наклнмелнъ бвду!

Маргарита. Ореуръ мллосерднй, зедн поругано себд!

Вн, сонннн анеловн, вн окрузнше сесзру!

Челдн н бездромнелн молнзв мод!

Темпрнль, мнлтъ старту сурашно за зедд!

Месриездорель. Бовзнтнль! - она осузнелн!

Толловъ (своше). Спаселн!

Месриездорель (увлекая Грацера). Ко мнлтъ, за мнко!

Толловъ Маргаритн (нлз земнннл, едв слашннй). Темпрнль! Темпрнль!

А я въ стороне, но не слишкомъ далеко;
Малюжка со мною, на правой груди!

Но самъ ты ко мнѣ не ходи!

Бавало мнѣ съ добото мнѣ,

А намъ же я болѣе жедя!

Ты холодеешь, не хочешь знать меня,

А съ виду, такъ же добръ и мнѣ,

Какъ и въ бывшее время бави...

Франсуа. О, если дакъ, иди за мной!

Маргарита. Куда?

Франсуа. На свободу.

Маргарита. Въ могилу,

Въ сырую пожелло, на вонючий покой!

И дакъ же — ни шагу, мой милый!

Идемъ? ... О, если бы мнѣ съ жобой! У(+)

Какое непослушное искусство поэта! Онъ никогда не даетъ мелкой угрожаемости; онъ никогда не скрывается, ничего не ослабляетъ, и все-таки онъ вливаетъ въ наше сердце такую любовь къ этому существу, которого можно любить только презо. Онъ какъ бы держитъ ее у себя на груди какъ овецъ, которыхъ не можетъ оттолкнуть своей виновной дочери и несмотря ни на что продолжаетъ вѣрить въ нее. Высокое прощенье гуманности со всеми прожитыми блесками поворачиваетъ на этой "доброй души", какъ она называлась во второй части, "которая только одинъ разъ забываетъ, которая не подозривала, что она грешница".

Маргарита (въ той же самой сценѣ, не узнавая Франсуа, съидя на колѣнѣхъ). Кто право далъ жедя такое,

Палачъ, какъ рано приходится?

Приходится въ полномъ зрѣнн за мною,
 Мнѣ, дай Корс до утра дождись!

Видѣ я еще какъ молода!

Такъ молода — и череръ долгитя?

И что думѣ, я было забыла..

Да, я и Корона была;

Мнѣ, красота моя, она-то и еубила!

А отъ-то мой, какъ я его любила!

Но отъ меня мой другъ далека,

Убогъи поблекли, смърть ванама... (Фрауеръ
 беретъ ее за руку).

О, не забывайся какъ сурово!

Возвѣсь меня, дай ероекъ Корс нагасъ;

И что я едвала? Видѣ я зедѣ ни слова,

И визну, право, въ первыйъ разѣ.

Фрауеръ. Пересидѣлъ я мученъ!

Маргарита. А во виласи збой; подожди же минутку, — — —

Фрауеръ. Узнай меня, збой другъ ея зодото!

Маргарита (падая передъ нимъ). О, принадлежь къ Спасителю
 съ любовью!

Слышите! подѣ половѣ градожь

И суративъ лохожь!

Тамъ адъ минюжь!

Слышите! подѣ порождѣ —

Какъ отъ уснаесть, какъ отъ мучуць,

Отъ, озверенный Болодь!

Фрауеръ. Трехлетъ! Трехлетъ!

Маргарита. По голосъ друга быль! (Она беретъ. Цѣпи ея
 подъ снадатожь).

Ты же отъ? я свободна!

Я въ объѣздѣ друга легу!
Я на нелю одабнузу, или чинится догу!
Отъ звалъ: Трезхенъ! — Чрезъ облако сирада,
Сквозь кохожу и воли киндизаго ада,
Муж глубинѣ моеи могилы,
Я слышала голосъ млынигальнвнй, милвн!

Фрауеръ. Эго я!

Маргарита. Эго вы? О, повзори! (обтираетъ сео).

Эго отъ! Эго отъ! Эго мученбе?
Эго суралъ земницы и цыпей?
Съ зодой, съ зодой мое спасенбе,
Съ зодою радосуръ нашихъ дней!
А воуж и улица, эде я
Тедъ впервые повеурьчала!
А воуж и садъ, эде я зедъ
Съ соведкой Марзой поджидала!

Фрауеръ. Идемы, идемы!

Маргарита. Не оставляй мена!

Не оставляла мнѣ я зедъ. — Позомъ слодучуръ
то, на што я чине указалъ. Офелія Шекспира дала первый
образецъ; но какъ высоко переросла ее Трезхенъ. На,
сколько съ большинтвѣ уваженіемъ склонился передъ
тенициной ученикѣ Клонизока, етмѣ современникѣ
Влизаветѣ англійской!... Большинсерво сценъ съ Трезхенъ
исполнены натуралмерически, не затъ рязко, какъ сцена
въ церкви, но и не затъ повнмо и расплывахо, какъ
едъ монологи. Эпизодъ безуміа въ зорьмѣ основанъ на
рязкомѣ тоноическомѣ наброскѣ, но въ 1798 г. отъ снѣдъ,
ченъ съ полной зрѣлосерво меручесва.

Муж натуралмерической эпохи Тезе промсладуръ отру,

спаноция Маргариту (Презлент) энцицисты, ея составка Мар,
 за и ея свережняца Зизлент. Изъ натуралмерической
 Эпохи происходитъ также Францезъ Валпурге, фронт „
 сродская прозубоношность Францу и въ зтомъ смысле
 родоубенный сродному Тансбургеру. Но окончена была пер-
 вая часть, насколько было возможно, въ полномъ реали-
 стическомъ смысле съ гимическою методою сакной зрелой
 Эпохи Тере, какую мы видали въ „Германна и Доротея“.
 „Prolog auf dem Grabe“ („Прологъ въ гробъ“) показывается
 уже гимическая прозубоношность въ понимании при-
 званія поэта и драмы. Истини зредь ангеловъ, которая
 открываея „Прологъ на небе“ („Prolog im Himmel“), которая
 изображаетъ полную картину мира въ его первоначаль-
 номъ отношеніи. Сцена самоубійства, проулка въ светлое
 воскресеніе въ прекрасномъ гимическомъ пламѣ изъ
 мортальной полноты жизни. Прилезное наезроение посто
 зого и поэта изъ нудель взды почти символически
 и лирически Медризоффель описываетъ какъ въ небе,
 посто прологъ. Поэтъ сродился къ болше зотной поруби,
 робить, къ болше прочной едди, болше сродной опредѣ-
 ленности времени. И когда у него являея и погибаетъ
 изъ руки Франца Бразъ Маргариты, то къ зтому зозгаея
 присоединяея Валпургіева ночь. Бразъ (Валенцманъ)
 съ его гордостью изъ короткой славы есудри и его горьки
 изъ дурной, съ его тизидою кези и гивьомы, и съ его
 цинорной звердостью до конца, вполне обосновываетъ
 на почтенномъ семейномъ чубе и дитяеубея пре-
 красно. Валпургіева ночь не окончена и (плохо) до,
 полнена лигеразурными сатурали.

Во второй части „Франца“ господствуетъ неслителство

Зинический реализмъ, но только реализмъ все болше и болше исчезаетъ, а остается только зини, послѣ котораго мы много разрозносятся аллегоріи и олицетвореній. Первый актъ, какъ мы уже видѣли, начинается преобладающимъ сценнымъ. Здѣсь сдѣлать въ высшей степени легкой, карикатурный, поэтический, дворянскій до Элиотской плашки, до подкинуть королю, до колдовства спокойствіемъ, до веселой тужко. Тужь Лори эльфовъ и пьеса Аріель — полны неподражаемой карикатурой.

Возьмемъ мочоловъ: Какъ доблестъ весна знаешь
 Благовоніемъ цвѣтущемъ,
 Тѣло, весело желкая
 Въ стѣнѣ зелени луговъ:
 Силою эльфовъ тѣрь утѣшенъ.
 Въ келье безмолвствующей печаль, —
 Кто бы отъ ни бѣлъ, тѣрь тѣ утѣшенъ,
 Эльфовъ сфранцузцаго шаль. 1)

Сцена маскарада изумительна по богатству карикатур, роскошной фантазіи и остроумію аллегоріями. Второй актъ сцена открываетъ въ уютной залѣ германскаго императора. Онъ садится на престолъ; по правую руку его астрономъ. Первый вопросъ императора о его тужь — и печальною новостю сообщателю ему: тужь скончался съ любовницею за его императорской манжетою, и его надѣли внизу, подмало или мерзвало, еще неизвестно. Въ утѣшеніе ему одинъ изъ придворныхъ сообщаетъ, что на иного президго тужь утѣшилъ уже двѣжды другой — и въ то же время являетъ морфеозомъ. Обезабова императора печернама зинически. Третьимъ актомъ императоръ много аллегорическое значеніе. Французъ хочетъ удовлетворить

этого тасиду прекрасного во облази поэзии и воображе-
 ний, какъ прежде думалъ майнъ ее во ежедневной
 жизни. Въ галъ же созодить мезитно прекрасное?
 Въ соединеніи романуизма (фрагези) съ классической
 красою (Влена). Мдея эа превьогайно-земля и профа.
 Но въ классической Вальмургойной ноги серж еще одно
 мизо, козорое, будучи мизодическимъ въ поэме, во
 аллегоріи итьверъ свое особое значение. Это же созодитъ
 сказатъ Тезе своимъ Тонункуломъ и започать вывели
 отъ суранныя похосиденій его мезиду дѣлами древно-
 сти? Алхимикъ вѣрилъ, что можно произведи гало,
 бѣка нѣ съименія различныя диническыя вещества.
 Для этого существовали у ниль особыя правила и фор-
 мулы, подъ названіемъ азъ градуса. Теофрастъ Пара-
 цельсъ подробно описываетъ процессъ человеткопроиз-
 водства во своемъ Парамиумъ. Тонункуль Тезе итьверъ
 весь процессъ Тонункула алхимиковъ. Отъ розидаетъ
 на створъ уже со вросиденного наукого (scientia infusa),
 но зумъ и оканчиваетъ еладство его съ порожденіемъ
 воображенія алхимиковъ ередниль бѣковъ. Тонункуль
 Тезе описываетъ ерремленіе науки — усовершенствъ,
 бѣрся во соединеніи съ природого. Вагнеръ-милъ
 мелкой, пропозитивной учености, измѣтующей не при-
 роду, а произведенія ума человетческаго, оивущей во оз-
 дѣльномъ вѣрѣ, за пылкими книгами и пожелавъ,
 шилъ пергаментами. Искусство создаетъ отъ чело-
 вѣка, но искусство не можетъ дати ему полнаго бѣзидъ,
 для совершеннаго существованія отъ должеетъ сирсѣя
 съ природого, и Тонункуль ерремлющъ возникнутъ
 во неогннотѣ жизни челолаго мѣра — водѣ. У ниль

у Paracelsus, Theophrastus Bombastus v. Hohenheim, уап.
 Bombastus, шивтинъ (сѣ 1483—1541 22. Bombastus — нѣмѣцко-немецкый,
 вѣсокониривый, мадузый — въ южной Германіи)

Талазей, морской Киприды (красоты), разбиваясь отъ свою
 брентную оболочку, но природа своими могущеествомъ
 поглощаетъ божный плодъ искусства, и отъ, слившись
 съ него, зерцель свое оудальное существование. Аллего,
 ридъ эра закъ проеса и Ясна. Тере было нещущество и при,
 писывалъ происхождение земли — воды, а не огню. Въ
 наше время эра георид оеавлена, закне какъ и георид
 вулканистовъ; но если и насродная георид поеженена,
 то, прогрессивнаго наслоения земли приидра не вель,
 ми, зо можно-ли обвинять Тере въ томъ, что отъ оу,
 даль въ своей познъ преиущеество господствовавшимъ
 рода идеяль и своему собезвѣстному мнотию. Въ
 картина классической Валмургиевой ночи поразяель
 своими велиель и богатествомъ фантазий. Эри озраи,
 нель создания Эллитской мидологии, ильвшей, кровно
 классической, дручно земную сродоту, оеавляють
 глубокое внецахлтоние. Здель позидъ нельмаель еи фи,
 лософияго, токоръ еи глубокими выадями, аллегорид
 еи воезоргома — и все эро одлосено въ закной злучной,
 роскошнй сриль, что не знаель, гелю больше удивель,
 еи, мьсли или оболочка. „Трое сивильнй“ представляють
 войско духовъ гербергаго ажа. Три поимованнй эрии,
 нице нль Нового Завога и легенди сродель рядель еи Трез,
 селъ, тобди вьсеи въ финиеский рядъ вполне индивиду,
 альной и неклогичесельной образи виновной невинноеи.
 Типи древней мидологии, какъ и изобразельные мль еи,
 миль фини классической Валмургиевой ночи, получа,
 ють удивельно характерноеи сущель, а сцена въ за,
 ливель Пейекаго моря, гдъ при мнотель свель сирени
 располагель на скалаель, гдъ Талазей подльель въ

колесницы из рабовины, приватизуецъ оца и вошла.
 мейеръ Томикула на смерть, эта сцена дѣлаетъ его,
 божиныиъ мирокитиъ романтическихъ масхросиеннѣ.
 Но когда въ изломѣ акте снова подвѣздуетъ егасуливыиъ
 сурции въ образѣ Филемона и Бавкиды, и за ильскоиъско
 поблекшая зимнелкая пара, которую мы знаемъ изъ
 одного прекидго сцилозвореннѣ и ивеси, *Was mir bringst
 du?*, всетаки эти опредѣленнѣиъ ивеса привождутъ
 въ взорахъ наконецъ допускаетъ и ильскозорисе фратшннѣиъ
 еиъволивиелкѣиъ элементнѣ, гдѣ говоритъ не его фигури,
 а отъ самѣ, гдѣ отъ должиетъ имъ озаважесѣ *Zeitweilich*,
 или дѣиъсѣрвоважъ некриднѣиъ. *Eporion* есѣ не зовѣско
 снѣиъ фрауха и илени, но сѣиъ также *lord* *Bayron*
 имъ ознакаетъ его, который покрайней мѣрѣ илѣднѣиъ
 изъ-за маски *Eporion* и *Eporion* выводитъ изъ
 роли. Несмотря на то, трагнѣиъ образѣ малѣиъка на
 сценѣ производитъ увлекательное впечатлѣннѣ, и смерть
 его дѣиъсѣрвоважъ глѣбоко поррѣсатоннѣиъ образнѣ: необи,
 гайное масхресѣиъ изобразненнѣиъ побѣдоносно преднѣиъ
 есѣ сквожѣ всякнѣиъ символизированнѣиъ и зайносѣиъ.)

Извѣстнѣиъ параллелизмѣиъ между первой и второй частѣиъ
 повзореннѣ карактернѣиъ можнѣиъ на болѣе высокой
 сциенииъ вполне озвѣтаетъ зимнелкой методѣ: зайнѣ
 нѣиъцкая *Walburgis* ночь, здѣиъсъ класснѣскаѣ,
Walpurgis, преснѣиъ *famulus* фрауха, генѣрѣ савоходраиъ.
 нѣиъиъ ученнѣиъ; илѣознаеиънѣиъиъ ученнѣиъ первой частѣиъ
 явлѣетъ высокотѣрнѣиъ баккалаврнѣиъ во второй;
 георѣиъиъиъ разнѣиъиъиъ фрауха о дѣлѣиъиъиъиъ
 поедѣ на краднѣиъ; можнѣиъиъиъиъ *Margarete* (Трѣт.
 актѣиъ) превращаетъ въ можнѣиъиъиъиъиъ; но болѣиъиъ

всего Элена в аналогическом господствующем положении
 во второй части, какое Фределен занимала в первой. Это
 не видно ясно, но должно было заключаться в духе
 первоначальной мысли, что оба виновных менцини
были добрыми гениями Фрауера, который его очищает
 и отвлекает от зла. Элена двойственна на него как
 она как Фределен: она гордится планетой его и восила,
 планета с первого взгляда. Но сильное меланхолическое
 нечто больше благоприятно утверждало. У Фределен мы
 видим это ясно, у Элены должно угадываться. Сама того
 не зная, Фределен борется с Меркурием за душу
 Фрауера; но она побеждена. У нее в парадной книге
 Фрауера через менцини на, "прекрасной, но бедной дн",
 вышито; в которую отныне влюбляется, но ад сущности
 Элену помышляет. Элена должна была также вывести
 эту борбу, но вынесла ее с чувством: вадь она про-
 необходима из той страны, надь короной у Меркурия
 нечто власти; сохривенная воля Фрауера зорнеевучерь,
 когда отныне отвлекает ее из подземного мира; гдены,
 что отныне сражается с Эленой, отныне уже на половину
 освобождена; а когда ^{уже} отныне похоронила ее, то освобождение
 дозавладевает ему зреть. "Он зреть видно, в каком-то ми-
 -говоришь Меркурий - ильветь это произведение зреть, не,
 дозавладевает вынужденной связи между возлюбленными Элены
 и действительными властями берега. Но не похоронила ли
 именно Элена эту новую часть его неутомимому зреть?
 Продолжается ли божь Фрауера зорь, кро идиаметрически
 метает ее поубоитней в скальверить нецерадь Ар-
 кадин? Кро освещившая воззранию забвению или оубо,
 менцино самими Тезе связь!"

думает свою судьбу без того, чтобы не понаслышкой снова вгадаться? И должна ли она первоначально быть озорвана от земли, когда ее побуждающая палка ее поразит, убивала? (Можно было бы думать, что закон молнии должен был быть приведен как-нибудь контрастно между Эленой и Фрэнкидой, что зорь контрастирует и расширяется, что дальнейшее развитие существа Мерседеса поведет к гальваническим раскрытиям грехеского мира и что образы героев, которые однажды пронеслись подобно гнильцам, а в особенности Тезей и Ахилл, еще раз в предельных символах величия поднимутся из глубины души Элены и увлекут ее за собой. Элена сама должна была изобразить их, нарисовать передо Фрагерами эту картину героя, не разрушающего, но зворящего, защищающего, борющегося, действующего для общего блага, и Эленой возбуждать в нем желание что-нибудь добиться Эленой высокими образами). Тезе не мог и думать намерения показаться вострою красотою зорько ее ее вредной стороны; она необходима должна была оказаться благозворной; Элена должна была сразу благословенить для Фрагера. Возбуждение его зворгеской движимой силы было в забавлении стверному другу: Эленой она увлекла его отъ ма.

„Таким образом бы считала мысль нарисовать картину, которую Тезе очевидно окончил не по своим первоначальным намерениям. Но как бы то ни было, зорья Фрагера, который становится из одыжной Элены к общему лезникому деланию, был забавлением Тезе к своему народу.“

Тезе велика не в одной компетенции, но и в смысле

История нем. литературы XVIII в.

мелкими подробностями изложения. Онъ какъ будто никакъ не влагаетъ въ уста своихъ персонажей высокй мысли и сентенци, надъ которыми неслѣдъ не охрановаться. Но къ самымъ удивительнымъ созданиямъ Тѣге принадлежатъ, Die Mutter ('матери'), эти мистико-французскій создания, отъ которыхъ вѣтъ какого-то заимствованнаго. Мистификация не можетъ вызвать вѣд., но, и Фрауеръ, тогда получилъ вѣдъ на это, долженъ отъправиться къ 'матерямъ', живущимъ вѣтъ великаго мира? И. и. это — 'матери' — не изобретено самимъ Тѣге. У Платона, въ 'Тимее', возмощаетъ это выраженіе для обозначенія первоначальной материи. Но, что говоритъ Маттеусъ о 'матеряхъ', похвалю на слова Платона объ идеяхъ: 'Идеи, вѣтъны первообразы предметовъ, никогда не переходятъ въ измѣняющееся бытіе. Они не преобразуются, не существуютъ. Мы видимъ вѣтъ озеръ, вѣтънаго единства, вѣтъна Бога, отъ которыхъ свои образы во вѣтъна созданияхъ природы и человеческого ума'. Тѣге, надъ изобретены несозданными вѣтъна, безъ границъ вѣтъна — покинутого почти зоме самое. И. Керкманъ (въ послѣднихъ 10 летъ жизни Тѣге, бывший въ это время его близкимъ другомъ и секретаремъ), въ своихъ 'разговорахъ съ Тѣге', говоритъ, что первая мысль ввѣтъна въ свою поэму эти гуманныя боги вѣтъна пришла Тѣге во время чтения одного мѣтъна въ Плуцаркѣ (Жизно-описание Марцелла. гл. 20), гдѣ говоритъ, что эмпирический городъ Эглонъ прославился оракулами богами, называемыми матерями, вѣтъна которыхъ были основаны кружками поселенцами. Алхимики упорядочили эти, где название материи (matrices), для обозначенія основного

1) Онъ говоритъ: Мать мать дала до Виттенова, у нѣтъ ея свой собственный дѣтъна. Позомъ онъ съ неудобовѣрными открытыми Фрауеръ высокое заимство (Lehrbuch der Poesie).

2) Въ церковь прохранили сидѣть на тронахъ богами, вѣтъна вѣтъна вѣтъна вѣтъна.

начала вестись зрелище и мезаловъ. Объ это-мъ же упоминается и Дюдоръ Сципилийскій, прибавляя, что мазери были кор. миллицы Юпитера. Тѣ же развилъ и распространилъ зрѣлище изъ древнихъ, высказанную намеками. Значеніе мазерей — какъ богинь, произведшихъ все существующее, какъ первообразовъ вестись вещей и мыслей — очень ясно, и все, что говорятъ объ нихъ Медисорофелъ и Фрауеръ, не осмѣливаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ зрѣлище, что Корнелъ сказавъ Тѣ же, ввелъ на сцену зрѣлище богинь. Впрочемъ, по очень хорошо понимаетъ значеніе мазерей, когда говоритъ, что нѣтъ, можно было бы принять за сатиру, вѣнныя силы человѣческой души, дающей дитя помысламъ издѣлима. Изъ послѣдующихъ сценъ превосходно ведена законъ сцена появленія Париса и Елены. Главная идея всего дѣйствія заключается въ зрѣлище, что Фрауеръ, осражая мелочность заботы маленькаго свѣта, ищетъ въ союзи съ древнею правотою осуществитъ свое суремленіе.

Возь, напр., итальянско ^{слово} изъ сцены о мазеряхъ: (Медисорофелъ, не зная и съ неудовольствіемъ — какъ уже сказано — открываетъ Фрауеру высокое замечаніе): Въ изреченіи проясняется связь на зрѣлище богинь: вокругъ нѣтъ ни времени, ни мѣста. Говорятъ объ нихъ, невольно слышывается: это — мазери. Фрауеръ, испуганный, повзо, рдеетъ: мазери! (Слово это какъ-то странно звучитъ въ ушахъ его. Медисорофелъ продолжаетъ): Богини, не, знающія валь, смерзны, и о козорныхъ мы говоримъ невозможно. Случай въ мѣстности описываетъ нѣтъ миллице. Мы сами виноваты, что мы должны къ нимъ обратиться! (Фрауеръ спрашиваетъ о доротъ ^{къ} мазеряхъ). Въ нѣтъ нѣтъ

никакой дороги! Въ недоедаемое нельзя проникнуть
досягаемостью. Небольшаго нельзя выломить
просьбами. Горько ли это? На заны тузи не надо разбивать
ни закок, ни задвигать. Тамъ понесетъ впередъ ищущаго.
Можетъ ли это понести о пущахъ и уединеніи? Фрагментъ
отъбываетъ, что онъ не разъ убивалъ въ пущахъ преда,
варясь уединенію. Мерцетовелъ говорить, что это не то,
что если предсавляе себя безграничный океанъ, то и тамъ
все-таки можно видать волны, но въ точно-пущахъ
дали эти не увидимъ ничего, не услышимъ даже шума
звонка шаговъ, не найдемъ ничего зверскаго, на что бы
можно опереться. Фрагментъ слышетъ надъ его мезриесского
зуканносерью, говоря: „Я надплотъ въ звоель ништо оз,
аскаръ вс“. Мерцетовелъ даетъ ему ключъ, козорый въ
рукавъ Фрагмента раскретъ, свачишь и сидеть. „Этой ключъ
приведеть себя къ матерьяли“. При этомъ слова Фрагмента
онъ слышитъ содрогаетъ. Мерцетовелъ слышетъ надъ зны, что
онъ не можетъ безъ смущенія слышать новое слово.
Фрагментъ отъбываетъ слы, что онъ не можетъ своего спасенія
въ одревененіи. Лучшая суророва въ человекѣ та, что
онъ можетъ содрогаться. Какъ бы свачи ни заедавали
человѣка пларитъ дорого за чуберво, глубоко зронуть,
онъ всегда чубервуетъ все необходимое. Мерцетовелъ
говоритъ: „Отпускай те! Я бы могъ зогно закше ска-
заръ: подмикайе! Это все равно. Чубаги озъ насходваго
къ безграничной облази призраковъ. Восхицайе зны,
зны, что уже давно не провадуть. То, что эти совершишь,
чубагае озъ себя, какъ ези облаковъ. Кордесаи нитогема
въ воздухѣ и дерони его дайте передъ собою. Ракаленъ,
мой зреностителъ даетъ себя знаръ, что эти досягаемы

кровью. Но теперь столько шловоки, чтобы орудия
 от горла души! ни на что нельзя положиться, надо
 позвать покровителей. Присиде душа рождала же было,
 дила изъ згла, а теперь сидеть, пока не выскочит ея
 борба брандиронцихъ элементровъ. На любой скорости
 открываеца знаменая пача ада; въ нее видны гримы,
 пики, козорые надъвет на произение, всплываюць
 въ позоракъ пламени къ самому оубрежю, но оно,
 сжимаетъ, раздробляеца ить и снова расширяеца.
 Меркуриусъ приказываеца жолетель герфдинъ съ короу.
 Килии, прѣлкими розамъ, езерехъ душу и хвацаеца ее
 жогнаеца, какъ показеца въ видѣ небольшого пламе-
 ни, похожаго на фосфоръ. Другіе герфи должны
 езерехъ вверху и внизу, чтобы душа промываемо
 нискуда не могла ускользнуть. Други вверху подв,
 лверехъ сидіе, слышны голоса небесныхъ воинствъ.
 Меркуриусъ досадуетъ на эри голоса и сидіе, и величь
 герфдинъ спорознуетъ прилежнѣе, позону что у него
 не одну душу чиели эри враги (blaffen). Коръ ангеловъ
 сыплець рози для успокоенія почившаго. Герфи не,
 пыриваюць непрерывное ощущение отъ роза, на нить
 падатонцихъ. Меркуриусъ величь дуръ ить, чтобы цвѣту,
 ки засохли, — но они воспламеняюца, и герфи, на,
 микое ить огнелъ, съ кривляемъ.ки проваливаюца
 въ адъ. Озаеца одитъ Меркуриусъ. Отъ оубиваеца
 отъ падатонцихъ на него роза, герфдъ знаменая муче-
 нидъ. Но, что должно целасидеца и успокоиваеца мидъ.
 нидъ сердца, дилаеца для жоржа пламенелъ, силъ,
 нѣе адекаго. Въ то же время въ Меркуриусѣ проки,
 каеца другое, ехранное губецо, на козорое отъ бѣснѣся.

Оно, разнотеленное, спозришь на группы небесных
 духов. Оно проситъ тѣ приближаться, позволяеъ
 обидѣ, пощоловаеъ тѣ, оно вспоминаеъ, что
 оти некогда были вѣнцы, видѣлиеъ газе. Ангели
 придлишатоеъ, затишатоеъ все проеураеъ, но не,
 поидная сила озраливаеъ оу нѣеъ неферозеи
 и загоняеъ въ самый уголъ просценіа. Оно на,
 тинаеъ бѣеъ; при видѣ небесныхъ духовъ нѣеъ обла,
 дѣваеъ поедное губеъ, поиди оти снова нахитаетъ
 проклинаеъ тѣ. Въ это время ангели улетаютъ съ
 безшерзного газеа браеа. неферозеи въ досадѣ на
 самого себя проклядѣли окончиваетъ (надеъ явленіе).

— Суди, которе поиде ангелами, превосадны. Въ
 ринаеъ неферозеи много зраднаго цинизма,
 но оно до конца видериваетъ свой характеръ
 казалическаго гора. — Въ высшей атмосфере показеъ,
 ботоеъ ангели, неа безшерзную газеа браеа. Оти
 поиде: Спасенеъ благородный членъ духовнаго міра
 оу злого. Ли носенеъ искутиеъ зого, коо вѣчно оуре,
 мидеъ — *Man tut mir Strafen für vermiss,*
Das können nicht helfen!

(«Коо всегда зрудитъ, исполненныи суремоніаи, зого
 ли носенеъ спасеи»).

Мѣ перѣеки Тѣе съ Целзеромъ¹⁾ видно, что Тѣе
 цѣеъ поэи полагаеъ въ, облегеніи духовности идей
въ оедзачеленныя формы. Оно доказиваетъ это своимъ
 содзвеннымъ произведеніемъ, изъ котораеъ самъ
 мидеъ (какъ, напр., неферозеи) поиде поаре архивеи
 проеозеи. И въ оини и въ соиненіаеъ своемъ Тѣе
 скорне класеи, чѣеъ рокариаеъ. Во взорѣ часри

¹⁾ Сраб. „*Vertraulich mit Zelter*. Berlin 1831, IV Bde.“ Въ зрой пере,
 тѣеъ заклинаеъ оеа много любонизеи мидеи Тѣе о поэи
 боиде и некозориаеъ поиде въ оедзачеленныя.

„Фрагса“ лучше, чем в других его произведениях,
 видно уважение, которое она питала к классической
 древности, и какое высокое мнение имела о греческой
 поэзии. В одном только „Фрагсе“ она жеменит и не-
 общепонятна. Это забвение главнейшее его дредь при-
 чин: аллегорически-фрагсажического направления
поэзии, глубины заключающихся в ней мыслей и,
 наконец, содержательного неумелания Тэре высказано ясно
 свои идеи. Къ поэмателю принудило его общесербен,
 ное положение, означенна къ принцу Карлу Австеру
 и государственному управлению. Изъ того, кто видела
 въ „Фрагсе“ одни слова, и не сараеда вникнуть въ идею,
 или выразителю, поэма эта всегда сараеда непо-
 нятнаго. Вообще сочиненна Тэре никогда не могутъ
 быть популярными, какъ сама она говорила Эккер-
 ману. „Вотъ что говоришь о томъ Эккерманъ въ зреть
 „Разговорахъ съ Тэре“: „Творенна Тэре писаны для умовъ
 наблюдательныхъ, побуждаемыхъ къ размышлению пронак,
 нуть въ тайники мира и природы человека, и изучать
 нель законы... Они нумны законъ для молодой поэзии,
 изучающей законъ слога и сформированна видеть, какъ
 создается предметъ по правиламъ искусства... Все негит,
 но-великое и мудрое - сущесербен только въ весьма не-
 большомъ кругу образованныхъ людей. Разумъ (in Ansehnung)
 не можетъ быть популярнымъ, - отъ этого не забываетъ и
 забывается напрасно. Одно сраеда и губеда попу-
 лярны, но разумъ сохаведеть доходные немногие.“
 У Эккермана не находилъ мы содербенное сужденне
 Тэре о своемъ „Фрагсе“. „Фрагсе“, говорила Тэре, серж
 такое произведение, которое не можетъ быть совершенно

1) „Gedächtniß mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens 1823-1832,
 von Joh. Peter Eckermann. Leipzig. 1836.“ - Вестна записочелская книга, въ ко-
 торой множество замечательныхъ мыслей Тэре о популярности и литературе.

поэтичному, и весь стараний определить ему положившиеся
 границы — будущее напрасны... „Фрагменты“ — прозаическая,
 жесткая задача, над которой люди любили изощрять
 своего догадливого... это поэзия стожерца („Kollas Zing“):
 „Азербайджанское погребье, купная вадбиль, Блоксбергер, лабо,
 разоридь, классическая Вальбургиева погь, Элена — все
 это ордынские маленские мирь, независимые другъ отъ
 друга, когь и соединяющиеся между собою въ связи. Поэзия
 долготельно пресиде всего забочиться о зомь, чтобы придать
 вселенной, или созданной, самым разнообразной видь,
 а въ героть своею видьтеть одну мирь, проблаждущую сквозь
 щельное и связывающуюся всея предметь, въ которой она
 проникаетъ. По этому правилу созданы „Одиссей“ и „Миль-
 блазъ“... Первая часть „Фрагмента“ почти всея судьскрибна;
 она происходитъ отъ лица, которого ушь бьитъ поэзия,
 сама необикновенно-симбильна и гь дьхнато,
 что эза-то самая неопредѣленность и неясность,
 возникающая изъ подобнаго соединенія уша, — и придаетъ
 „Фрагменту“ законъ и возрешетъ въ глазахъ читателей. Во вто-
 рой части напрозубъ тьтеть судьскрибность; въ ней раз-
 облаченъ мирь бьтнее возвышенный, огромный, светлый,
 не волнущей сурасьдиль, и зорь, кою не перешиль,
 не переубеждованъ многого, не будеть змать, какъ на,
 ндть его, какъ поэтичить съ нимъ“.

Аенный взглядъ Тьзе на его „Фрагменты“ удивительный;
 слова эти лучше всякихъ комментариевъ объясняютъ
 сущность и главную идею этого произведения. Вообще
 Тьзе очень хорошо понималъ себя и отдавалъ себѣ спра-
 ведливоверь съ безирисурасрьдиль позороньяго кри-
 зиса. Вошь законъ замьтательная фраза Тьзе о „Фрагментахъ“.

сказанная иль по слугаго вышедшаго во Францию перевода „Фрагера“ — Андерса Шандера, съ рисунками Делакруа¹⁾. Центральныя свои „Фрагеры“ обзаюот зому сфранцозу свайзвбу челоуечекаго духа, козорый, во бывшій зогда періодъ развудія (futuriklindzvoznost), равно иузереовалея вельма, что зомизь и мичея челоуече, сзбо, вельма, чтоль оно востинцаея и гичаея, къ чельу сфремичея, чело маасидея:

(Фрагера проникаетъ въ идеальный французическій миръ древности; въ соединеніи съ Эленой (олимпозвореніи, ель анзичной красога) думаетъ дозреть свою цгали; отъ вызиваетъ вель мичи и образы, созданные гресеконно поэзіей, иельозиваетъ всевозможныя оццунженія и, на, конецъ, не наидя на зельма ни иезумнаго, ни прекраснаго, обрацаея къ доброту. Отъ видитъ, что добро на зельма можеть замочить красоту и иезуму; и, гавзекіе планы зреть въ головѣ его, приисеніе ноль, зк челоуечеозву созавляетъ генеръ для него единозвенную цгаль вельма его смеланія; но ображеніе его совер, маея поздно, силы незоценны въ борбѣ съ низзью, отъ укараея при самовъ началъ новаго періода сво, ей двадзельмоери, — и мебо процаея задлуденія грешника, козому это одного поелвидного мичуого отъ ие, купаетъ¹⁸⁴⁷ вельма зельма сво.) Духъ озричанія побисидея, и Фрагера находитъ здовлечвореніе своелу сфремичею въ вельма иельозвенномъ олимпозвореніи челоуече, перво, началной красога (Uyfröifrit), соединенной съ кебелной крозоерою и непельозвеннымъ бласиелсзвореніемъ. Изъ злого крозкаго иельозвенія сущиозеи взорай части видно, что она необходима для полноты идеи, что она

1) См. въ полнотомъ собраніи Тезе, изданія Козея (въ сорока зомачѣ, Шхузгардъ, 1840) 33-я зомъ: Auswärtige Literatur und Volkserziehung p. 117.

соединяется с первого ^{глаголом} неразрывною связью, что первая
 часть не будет неполна и недосказанна. Труднее, во
 своем изложении второй части „Фрагмент“, говорить
 справедливо: „Во первой части мы вернулись к вопросу,
 во второй находим ответ“. (Значит, обитая эти части
 так тесно соединены между собою, что мы не можем
 понять одной без другой).

„Il y a tout dans Faust et même un peu plus que tout“,
 сказала г-жа Саль²⁾ совершенно справедливо.

Но г-жа Блазъ³⁾ еще лучше определяет доходы,
 сего эрой мировой поэмы: „Фрагмент всегда будет не только
 высокого книжного, во которой верховноглаголом благород,
 великий мысли, будучи поэтично из сердца человека,
 человеческого и геологич, из знания Бога и людей, но и
 вырастает из эпохи, великой и замечательной,
 все испытывавшей и измывавшей, измученной учено,
 ли спорами, войною и во особенности поэтично гео,
 ридии, родившимся и укрепившим во ее главах, но
 во же эти враня эпохи еще молодой, пламенной и
 деятельной, которая во борьбе с сомнением и неглаголом
 утверждения во природе разумной, во предвещив
 другого высшего назначения“.

г-жа Шерер³⁾ говорит: „Никому еще не удавалось
 во немногие слова дать понятие обо всей силе,
 полноте содержания и художественном совершен,
 сего „Фрагмент“. Не буду и я браться за невозможную
 задачу быть более, что мною русскими перево,
 до во первой части⁴⁾ г-жа Блазъ разбор я почти измыв,
 мила. Я хотел лишь возбудить Ваш интерес, к. 22.,

1) Luise Gekhatne de Staël, урожденная Нескер с 1766—1817, во
 своем „De l'Allemagne“.

2) Кати Блаз, с 1813—1888, во своем переводе „Фрагмент“.

3) Грiffin de Saint-Pierre, l'Allemagne. I, 336.

4) Лучший перевод покойного Павлова.

образу на это время Ваше внимание на это великое произведение,
и ограничесь теперь немногими общими замечаниями.

Француз Тизе принадлежит к небольшому числу
Тизе произведений, который снискал классическим
по преимуществу. Как поэмы Гомера и как Divina Com-
media (Божественная комедия) Данте (Dante Alighieri),
Француз предзавладевает собою почти всего того, что пережило
человечество до его подвигения. Но в сужении сложности
и внятности между Гомером, же, поэмами Гомера, и Фран-
цузом огромное различие: в эпоху греческой войны
в жизни и мировоззрении Греков все происходило и по-
нятно; на границах XVIII и прошлаго XIX столетий в
западной Европе все запутано и спорно; поэма Данте
занимается в эпоху оумоумен среднее время.

Как одно из лучших произведений, классическое
как ἔξοχον, Француз, одним разом с вниманием прочитан,
мысль, дала бы суждению и другим человека на всю
жизнь; всякий возраст, всякое душевное настроение
находит в нем себе созвучивающую духовную
пищу: беззаботная молодость смеется над веселой
сценой в погребке Аурбаха; сердце, знающее свое
модби, наслаждается завязкой романа с Трехлетки;
первый помощник Француз, всегда его с Валероном
и рыцарь Мерквотфенда дают выражение оживлению,
муж переходного возраста; это же франки пылкой и
позднее будут помысли советом и произведут
советом другое впечатление. Вообще, как бы хорошо
бы ни знали Француз, всякое новое чтение, отвлекая
вас от обиденной действительности и возводя вас
к высшему и личному к общечеловеческому (в эпоху-то
и создавая высокое значение поэзии) предзавладевает вами

или целое произведение, или отдельные его части
 в совершенно новой форме и произведешь в голо,
 в в нашей новой пороке идей, а в сердце — новый
порок чувств. Это относится, конечно, ко всякому
 классическому произведению: не только кь Иллиады-
 Одиссеи Гомера и поэме древнейшей комедии Давида,
 но и кь Дону-Кихоту Сервантеса и Тамлезу Шек-
 спира; но для нас, во всей второзрожденности, француз
 Тере более великь другидь классическидь произвед,
 тидь во времени своего создания, но благодаря своимь
 идей и глубинь возбуждаемидь вопросовь. Въ зреломь
 отношении француз не только не повредило до обезо-
 зельство, что онъ писалъ такъ долго и съ записки
 перерывали, а напротивъ, помогло въ высшей сте-
 пени; онъ внесши въ себѣ всего Тере на самыя
 разнообразныя сдущенныя его развиды, а Тере — са-
 мая богата и разнообразная натура раздѣла 2-хъ
 сдущидь. Недосказокь въчинило единство и сложность
 его, даме гасиной прозвонкой и непоследователь-
 ности бреддъ ему такъ же мало, какъ и Иллиады или
 Писси о Ниделунгахъ; различие въ томъ, что зди
 продукты эпохи безозначительнаго зворнества вырази-
 торь жизни и идеалы массы, а француз — самое судь,
 экривное произведение и поэму болъе подходящее
 кь нашей эпохе субъективизма. Герой драмы, какъ
 уже давно замечено, — самъ Тере со всеми величидь
 своимь сдущенидь, со всеми хорошики своимь
 сдущидь и со всеми общечеловеческики слабо-
 сдущидь; но въ то же время француз — каидий изъ насъ
 въ то мигъ, когда мы пересраемь бить рабами

и не переставая ду,
 и не переставая

мелочей жизни и срабовались, младшим изъ дигулярныхъ
составниковъ, Коммерсантова и пр.; какъ говорить Кир,
пичниковъ, и потому что и Тезе — одного изъ насъ, зомъ,
по лугшии. Тезе не создалъ Фрауца, а гениально выра-
зилъ во немъ свою общечеловѣческую сторону."

Но все иль сказанное относится именно къ пер-
вой часеи, такъ какъ во второй, при величъ ея пре-
восходности часеиосудья, Кирпичниковъ, какъ и къ
какимъ другіе кризисы, вадды прадукты скарескаго
рефлекса и духа аллогоризма, навѣяннаго болызненъ,
чоезбо эаки реакци; но выи признають, что луч-
ше всего въ ней — обидиі тлави и въ осоденности
конечи; но ни одиы разумныи гизуал не можеть
сочиньваться въ зомъ, что Медисефрель оказеться по-
бывденна.мъ, что бозисервенное начало въ челоукии
не покорить сивзетейкой гряди и низменному офрица-
нио. — Досюиосудъ первой часеи признаеться рашаель,
но выи, досюиосудъ второй оубергаеть чомко зъни,
каорые не хоромо знакомы съ ней. Но чего зие зредуооъ
оуъ Тезе, оуъ ^{II.}Фрауца иль сумизели? Поэзи? — она лозеть
живыи сзрудити изъ каидаго сриба; мислей? — иль
болыше въ Фрауца, чомъ въ иной чумозридентной фри.
мософи; разнообрази? — въ Фрауца его чумльи муръ,
фразазин, вообразенія, зворгсудва? — или переконмено
каидое явленіе; асносу? — но кто вымоваъ въ зомъ,
что не лозеть поимать Фрауца; совершенсудва? — но
для згого надодно буре не челоукокомъ. Неумели закъ
гзидело признаеть превосходсудво гениального содраа?
или въ сапомъ дило, на земль гени? — несасуде?
оуъ чего сзрадасудъ сами Фрауца, какъ не оуъ превосходсудва

онъ родился въ низменномъ кругу; черезъ низмен-
ную жизнь проходилъ онъ цѣлые годы, его тонкоеръ
была распушенная и дикая, богатая сраерство и ка-
заедрофами; его позумскій залатеръ бумевалъ без-
порядочно; его музой была революціонная злоба,
его пуреводной звѣздой — смѣлый эфорекеръ; никто
не беретъ его на нури, публика шумно его привозъ,
срвобала, восзоршенная друсида бросалае къ его серд-
цу. Долго онъ напрасно искалъ вытмней опоры.
Онъ прѣтѣхалъ въ Веймарѣ искаръ снаеръ. Но, чего онъ
доеритъ здѣсь, было уморенно: зомая профессура въ
Гетте, поздние срѣсненное существованіе въ Веймарѣ.
Къ зому сверекоръ разсрроилось его здоровье. Но судъ,
ба дала ему зри великій веци: друсибу Тѣзе, немару.
тисную любовь благородной метизини ея просрвиль
сердцеель и нѣкто еще болтае цѣнное, чѣмъ снаеръ
въ друсибѣ и въ брактѣ, неизмѣннучо висоудуши.
Какъ долго онъ ни здавалъ, какъ здавало ни боралае,
какъ низко ни склонялае, пока лучъ снаеръ косъ,
нулея его тела, въ его души озравалоо нѣкто нѣдро,
нуое, что шило криваея и уморенно его возносилъ. (В. Шереръ).

Итакъ рѣдомъ съ колосального личности Тѣзе, явля-
ется въ пезорин итѣрауры еще болтае високая гуман-
ная личность другого всеирнаго поэта — Шиллера, срвдуренно говѣ,
цѣну иотрррго
содѣя его снаеръ
долоитъ болта
прадѣвѣре
въ прѣтѣхѣ
снаерураду
Иоганнъ-Кристоръ-Фридрихъ Шиллеръ родился
въ марбалтѣ, маленскои Вюртембергсканъ городкѣ,
на берегу Неккара, 10 ноября 1759 г., снаеръ былъ
молотне Тѣзе на 10 лотъ. Оцеъ его не полугиль много,
сзороннаго образованія, но чѣловѣкъ очень способный
и энергичный, кохъ ничего не шѣвилъ кромѣ заработка.

Она была сначала фрейлшмеринг, потом пригласился кь экзамену на дирижера, а в это время была лей-зенаптом на бюргенбергской сцене и доучилась до камизанского гина; она да lessons была постоянно перетолковать с немецка на немецко и французко в 1765 г. уездила в немецкия морях. Будущаго поэта сперва узнала мать его, женщина мягкаго и внезапнаго характера, очень религиозная, но не фанатическая. В морях мальчику давали уроки пастора Козера, ко- зоромъ познакомили его с немецкою грамматикой и элементарными латинского языка. Воспитанья мать, чинъ получила сдалась проповедникомъ. Вскоре, в 1768 г. отецъ Шиллера был переведенъ в Людвиг, Бургъ, где находилась великолепный дворецъ герцога Вюртембергскаго, а в 1770 г. была, в чинъ камизана, назначена завтравивающимъ дворцовыми садами. Здесь маленькій Фридрихъ поступилъ в немецкую школу, которую школу и занимался очень усердно; и она сама, и родные полагали, что отъбудетъ пасторомъ. Здесь в первый разъ попалъ она в театр. Это произвело на него какое сильное впечатление, что, впоследствии, ничего не могло его изгладить. Тутъ задумалъ она свои первыя провавид драмы. Но судьба его внезапно изменила другой оборотъ; герцогъ не позволилъ осуществить ся чиньямъ осматривать — что Фр. Шиллера именно будеть пасторомъ.

Карль Эвгеній, герцогъ Вюртембергскій, былъ диникомъ, бывше предсавителемъ худшей поповины государей своего времени. Эпоси такъ называемого, просвощеннаго деспотизма: Вь начале своего правленія отъ нимъ

та свое удовольствие и мало думала о делах государ-
 ственных; когда расказавшись, она изъяснила на-
 мерение исправиться; но это исправление во всякого-
 рода отношении было не лучше прежнего распу-
 сьва. Она, между прочим, вздумала записаться педаго-
 гией, чтобы воспитать чиновников для себя и своих
 будущиых наследников; для этого она преобразовала
 по собственному плану Сиротскую школу, разделила
 ее на специальность и основала, как бы образцы, как
 что в роду академии, где велась воспитанников
 подчинила строгой военной дисциплине. В эту
 школу, как называлась, *фой Карлсфельд*, недалеко от
 Штургарда, в своей загородной резиденции Солихоты,
 герцог старался набирать учеников, одаренных
 хорошими способностями. В эту школу его чинов-
 ники и офицеры волей-неволей должны были от-
 вать сыновей своих. Узнав о даровании и прилеж-
 нии молодого Шмиллера, герцог предложил ему уч-
 дить сына оставив богословские поприще и заняться
 правами. Хотя г-н Шмиллер не увлекался ни малей-
 шего расположением к юриспруденции, к которой
 прикомандировали его герцог, надо было покориться
 необходимости, и в 1773 г. Шмиллер стал воспитан-
 ником Карловой школы. При безупречном
 экзамене оказалось, что Шмиллер по латинскому языку
 довольно было, но перевелся с греческого Новий
 Завет и г. д., только в каллиграфии от него требовали
 посредственности. Какъ уже сказано, это учебное заве-
 дение было подчинено самой строгой военной дисципли-
 ной. Все воспитанники находились под наблюдением

камузамовъ, были раздѣлены по ранжиру на ордѣ,
 лейка, ходили къ обѣду и въ камлетки по звуку
 барабана; всегда въ мундирадь, забрызганъ, напудрен-
 ная, въ покрай-маленькой галстучкавъ, съ огром-
 ными косами на завиткѣ. Въ Академіи ^{уроки} ~~уроки~~
 вѣщавали въ 5 часовъ, зимото въ 6; ученье продолжалось
 послѣ оръ 7 до 11 и оръ 2 до 6; на ордѣ въ назначеніи
 всего одного часа въ день; ваканцій не было вовсе. Не
 законъ являлось было ученье, какъ полное отдѣленіе
 оръ семьи, суровая дисциплина и слишкомъ больш-
 мое вниманіе герцога къ школь: нискогда къ род-
 нымъ и оръ родственнѣ проходили герцога цензуру; да-
 жей вовсе не отпущали домой даже въ какихъ случа-
 яхъ, какъ опасная болызнь магары; свиданія съ ро-
 дителями допускались только въ присуствіи присяв-
 ника; посылки оръ родственнѣ могли попадать въ ру-
 ки дворянъ только конзрабандой. Ученики не могли
 сами назначать наказанія, а только выдавать извѣрженіи
 билеты, на основаніи котораго бердиръ изрекала
 герцогу, бывшій ректоромъ школы; отъ нее всегда
 можно было возмощноеть посредствомъ секретной око-
 лачеи надлодаться за крассами. Еще одна печальная
 езоронка Академіи - ргозкое раздѣленіе во время
 дуэей Шоргеровъ оръ дворянъ дворянъ. Въ первый
 годъ своего пребыванія въ школѣ Шиллера 7 разъ
 были боленъ и 2 раза публично наказанъ зѣлеско,
 а между тѣмъ по адресативнѣ воспощаеи отъ
 были одинокъ нѣ самыхъ смирныхъ воспощаеи.

Обращеніе Шиллера къ изученію правъ уменьлось
 въ немъ по впечатленію въ это училище. Видя без-

полезность своих занятий, он осмелился пред-
 ставить своему высокому покровителю, что нахо-
 дящее его призвание — богословие. Герцог привык,
 чтобы отъ о богословии и не думалъ; но позволил
 ему бросить права и занятія — медицинское. Не смотря
 на строгую дисциплину училища, Шмиллеръ заикомъ
 прочиталъ многихъ поэтовъ, и чтение это сдѣлало
 изъ него мыслителя, да еще скептика. Благочестивое
 направленіе дотѣзвѣ неезло. Руссо и Вольтеръ воз-
 будили сомнѣнія въ умѣ молодого студента; хотя
 герцогъ не только слѣдилъ за ученіемъ и поведеніемъ,
 емъ юношей, но и за ихъ мыслями; для этого они
 должны были вести дневники, которые были отъ,
 крѣзди царевенскому педагогу; только закъ дневники
 и Шмиллеръ и въ него писали, что герцогъ для него
 не только взоромъ озираетъ, но выше озираетъ и лазеритъ. Гер-
 цогъ приказывалъ ученикамъ писатъ характерически
 другъ друга и представлять ему; въ расмаръ охробоенно
 (не) мыслей свои и своихъ товарищей о началсвахъ
 и угнзельдахъ и пр. Тогда-то зародилася у Шмиллера
 ненависть къ зиранинъ, которой не могъ раздѣлять
 Тѣре, не испывавиій на себѣ ничего подобнаго. Надо,
 впрочемъ, замечать, что позднее на герцогскую
 школу взводили много недоблицъ; закъ убвѣрди,
 что воспитанники вовсе были лишены гтенія. Но
 Шмиллеръ, какъ мы уже слышали, не только пере-
 гизалъ за это время множество немецкихъ поэ-
 товъ и писателей, но и самъ писалъ стихи, осклалъ
 ихъ въ журналы и принималъ участие въ предскав-
 ленихъ пссей Тѣре: Клавига. Уже въ 1777 г. онъ задумалъ

написав драму „Разбойники“. Въ 1779 г. Шмиллеръ представилъ диссертацию подъ заглавіемъ: Философій физиологіи или о связи физической и духовной (нравственной) жизни человека. Диссертация написана въ духѣ материализма, четко, но съ замѣчательного слога. Изъ (ея) диссертации видно, что въ Карловой школѣ, надъ вліяніемъ теорій и наблюдений, Шмиллеръ безвозвратно погрязъ прикесенное къ дому Благочестія и склонялся къ материализму. Диссертация была признана, и Шмиллеръ получилъ награду; но герцогъ, найдя обзоръ слишкомъ неумерено вышедшей и пылкой, освободилъ его еще на годъ въ своей школѣ; Шмиллеръ за этотъ годъ обработалъ свою драму. Въ 1780 г. онъ былъ вынужденъ изъ (школы) Академіи Врачей и поступилъ на службу съ жалованьемъ 18 гульденовъ въ пѣхотѣ. Шмиллеръ былъ определенъ въ полкъ медиковъ, гдѣ же въ Штурмгардѣ. Освоившись несколько со службою и насладившись своею духовною свободою, Шмиллеръ окончательна обработалъ свою драму и сдалъ манускриптъ для нея издателя; не найдя такого, онъ направилъ пьесу на содѣвательный слухъ, попытываясь въ вивсехъ разнѣвавшего лева съ подмязой лайкой и съ надписью *in tyrannos*; издание повлекло его въ долги. Директоръ мунимого изъ родственника нѣмецкихъ театровъ — Майеймъ, Оскало — Далсбергъ предложилъ ему передѣлать ее для сцены. Шмиллеръ съ радостью согласился, и въ Январѣ 1782 г. „Разбойники“ были даны съ не, обыкновенными чествованіемъ; обзоръ, утѣливший

изъ Штуцгарта безъ огулка, зайכותъ присудежавоб.
 тині на предзавленіи, была свидательствъ нешего.
 бато восзора зрительей? Когда авторы возбразилея
 въ Штуцгарте (и по предмету озабался на 13-зи
 глуденахъ спалованья младшимъ медикомъ бату
 поручнемъ) го за сажовольную огулку въ латки,
 геймъ его посадимъ на двѣ кровати подъ арсера, и
 герцовъ, и кенникимъ повелѣніимъ запретила ему
 писатъ, комедіи и г. и. вещи, воодше это бы го ни
 было, кромѣ медицинскія сочиненія. Тогда не
 мовъ скривъ своего негодованія и рѣшилъ не
 слушаться приказа. Герцовъ вкортъ узнала, что
 вопреки его запрещенію, Шмиллеръ принялъ участіе
 въ изданіи газеты профессора Адамъ. Вортзелберг,
 скій литературной "Вестникъ", гдѣ подполченны были,
 безъ имени автора, кыкзорыя Шмиллеровы сказы
 и нѣсколко рецензій. Тогда же издалъ оновъ своего
 "Сибирскую Антропологию", написавъ къ ней предисловіе
 оръ "Зодобскаго шпелъ" и посвядивъ ее свертъ. Гер.
 цовъ велкимъ Шмиллеру, президе напеказанія, пред.
 ставляя сказы и прозу на августѣйшее раземозръ,
 ніе, потому что, говоримъ герцовъ, оновъ находимъ
 нѣхъ писанивни въ дурной вкостъ. Мовъ и Шмил.
 леръ покорилъся зтому (приказу)? Это взорвало тогда
 — и оновъ задучивалъ навесда озабавъ озекезъ, гдѣ
 не было свободы ничему и никому. Оновъ просилъ въ
 озабавку, его не писали. Тогда оновъ рѣшилъ двѣ,
 снакъ во вренді, ^{и въ борисскѣ} ~~праздникѣ~~ ^{придмесеуѣ}, кзорые
 забалетъ въ Штуцгарте по слугаю приезда въ сромъ,
 цуо русскаго великаго князъ Павла Пѣтровича.

1) Истникъ трагедіи бату поитвий, восзоритъ зрительей находимъ на
 на издучленіе. Шмиллеръ до рога увлекся паромъ Норланда въ роли
 Фрэнциза Мора, что Лорталмъ возумилъ въ зручнну; его озаговорили.

Подъ рукою именованъ, Шмиллера явился въ Манн, гетманъ 17 сентября 1782г., иврал въ поруборелка почти законченную свою драму: „Заговоръ Фриско“, а въ картоннхъ княжеско залерова. Ему казалось, что съюзу зюско освобождается оу зиратии герцога, а заивъ, на свободу идущи его почести и деньги; но отъ нее, скоро оишбелъ. Конечно, герцогъ не смилал его преслать, добаръ; но ему не дали впередъ денегъ за „Фриско“ и въ озомъ видъ нессу озказались принудитъ на сцену. Семь зюмилыиъ недаль просилииъ Шмиллеръ въ нралау, ской деревенскыъ (Oggersheim); въ енасию нашелся из- газель, заплачившииъ за нее 11 лудорова. Въ зо же время неслазливый Шмиллеръ озискалъ себя прочное и даровое убюганище въ шавнии одной доброй дамы, г.ши ф. Вольцогенъ, въ Бауэрбауъ, близъ Мейнмиге, на. 3убюганиише, што герцогъ вюртембергскій не на, шорелъ преслать добаръ своего бючлаго медика, ф. Дамъ, беръ вновь вернулииъ оъ Шмиллерова въ емошениа и приласилъ его наконецъ деаураментныиъ поззова въ Мангеймъ въ 1783г.

Между зюми денеситыиъ дила Шмиллера все же или очеть плохо, и отъ по прешенку не шивалъ никакого приличнаго общесубеннаго положениа. Его порадовало вниманіе и искреннее расположе, ніе, которе выказала ему избюсудная свояиъ зюковъ Шарлоза ф. Калбъ; она доехавила ему случай про, гееу при даркииуаекомъ дворъ ии ажуъ его драмы „Don Carlos“; при зменіи присужзювалаиъ Карла М., цезъ, герцога венмарскій, наградившииъ авюра ди, илошомъ на званіе советника; попомитыиъ, зо была

владетельницы дани съ дочерью, которая сдмалалъ дид Шмиллера предмозовъ поэтики гаврой и идеалской любви. Но Шарлоза была одружена съ дру, гильи, и поозъ иишылъ звердоеу побидиуъ своего сурасъ.

- 1) казари одного изъ его школьнииъ зюваринцеиъ.
- 2) здель поозъ провела нисколько енасииваиъ дней, въ еураиъ, наполненной цюбузущими доиматами, окруженной лосалии. Ово провондиль цыльиъ дни въ лоссу, озбуиываидъ новыа драмы. Его уединениа било прервано црїюдобы,

пузой зурьки, не приносивший ни гроша дохода; все же бездомному бродяге и ботлому медыку отъ представляль нѣчто пріятное для самолюбія и безвыгодное для души. Въ концѣ 1784 г. Шмилеръ берунгивъ въ задумевную перенеску въ дѣвчя своики лейпцигескии поклонниками, молодыми, отенъ образованнѣишии людьми: Көрнеровѣ (Сн. Gottfr. Körner) и Туберовѣ; въ 1785 г. отъ послѣдователь нѣ приглашенію, пріѣхавъ въ Лейпцигъ и понавъ какъ бы въ родную семью. Чинновъ и великодушный Көрнеръ, вполнѣ держи скарт Овмангеллвотингсдорфъ-сгариній апел, лѣционнѣи совѣтника, озлѣтно усуронлѣ дѣла позра, и о дѣвчя годахъ, козарне Шмилеръ прошивъ въ Лейпцигъ, въ близкомъ Толнѣ, и понавъ зого въ Дрезденъ у Көрнера, отъ всегда выполняль, какъ о сгардлнвѣи, нѣтъ годахъ колодаези. Здѣсь Шмилеръ окотчилъ, донъ Карлоса; написавъ, дукондиза; много работавъ изувалъ и думавъ и резульзатъ своиъ разномыслии сообщавъ въ философско-эстетическѣи управозавалъ.

Изъ Дрездена въ июль 1787 г., пока Тѣзе бывъ въ Итали, Шмилеръ пріѣхавъ въ Веймаръ, куда его, мезиду прочилъ, звалъ его пресидѣль пріѣзденска Шарлоза ф. Камбѣ. Шмилеръ, конечно, сдилавъ визитъ, зѣ и ко двору и ко вѣстамъ литературнѣи знамѣ, нидоозавлѣ, города музѣ. Вѣтъ принали его озлѣтно. Отъ ннмѣхъ однокну нѣ своиѣ пріѣзделѣи, что Веймаръ безъ Тѣзе далекѣ не понавъ; но зуръ же обвиняль Тѣзе за то, что зоръ, развѣознавъ ко Итали, получавъ отъ него, банкѣ, а работавъ за него долнѣи разнѣе фреэри и Шмидтѣ. Дружескѣи пріѣлѣи Риланда и Тердера, благо,

И здѣсь отъ вилдилѣи въ дочѣ книгопродавца Швана и понавалъ на ней, но Шванъ понавалъ, что голѣвѣи, обрѣиеннѣи долнѣи и нештѣионнѣи црѣи, наго понавалъ въ обществѣ, не годилѣи въ музѣи его дочери. Поискива отказѣ, Шмилеръ написавъ одну нѣ самѣи прогавалѣи вѣишъ, Кандидатѣи, но не прѣвалъ дружескѣи стѣиеніи отъ Шванѣи. Шмилеръ и Лаура навсѣгда огарилѣи

искреннѣи
друзѣи.

склонности герцога и герцогини Аннелин, незабвен-
 ной покровительствующей наукам и просвещению, доселе,
 бывшимъ Реймару названіе „германскій Ломонъ“,
 всеобщее уваженіе, съ каковымъ возродили Шиллера —
 очаровали его. Онъ похерялъ своего вседаимнаго робора
 и неловкохъ при сближеніи съ незнакомыми знам,
 новыми людьми. Это изумидла просюжа обращенія
 при герцогской дворѣ. Съ удобовольствіемъ принято
 было прошеніе его о мѣстѣ профессора въ Денскомъ
 университетѣ. Испросивъ себѣ годъ времени на приго-
 товленіе къ должности, Шиллеръ, послѣ своего пребы-
 ванія въ Реймарѣ, чествовъ пошнуръ въ Гауэрбадѣ
 у Вольцогена, сблизился съ селенейскаго Ленгерфель-
 дова, гдѣ были двѣ милыя дѣвушки, вносилидуши
 нравствія (какую важную роль въ его жизни, и по-
 селился въ деревню близъ Рудольсгадта. Отсюда онъ
 перешелъ въ Рудольсгадтъ для свиданія съ своими
 друзьями Рейнвальдомъ. здѣсь неожиданно встрѣтилъ
 онъ Тѣзе; 9 сентября 1788 г. онъ въ первый ^{разъ} въ домѣ
 Ленгерфельдова, въ Рудольсгадтѣ возродился съ нимъ.
 Первое свиданіе не было вполнѣ благопріятно; онъ
 не только не сблизился съ Тѣзе, а напротивъ, вынесъ
 изъ этого свиданія убѣжденіе, что никогда не можетъ
 съ нимъ сойтись. Онъ увидѣвъ 2-на займаго товарища
 Тѣзе въ большомъ обществѣ, гдѣ онъ явился блескъ,
 щитъ, придворными челоукакомъ и испугалъ робкаго
 Шиллера сводекою любезностью, отивили разговоры,
 своими разказами объ Израилѣ, откуда Тѣзе тогда
 возвращался. Сомниваясь, чтобы когда-нибудь могли
 ны сблизиться съ Тѣзе, писалъ Шиллеръ, онъ не забвѣ